

Министерство культуры Российской Федерации Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова Кафедра этномузыкологии Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова

С. М. Ляпунов

Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами

Вступительная статья, расшифровка рукописей, комментарии, подготовка к публикации И.Б. Тепловой

Учебное пособие

3-е издание, дополненное и исправленное

Санкт-Петербург Саратов 2024 УДК 78.071.1 ББК 82.3 (4Рос) Л 975

Ляпунов С. М. Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Л 975 Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами : учебное пособие / С. М. Ляпунов ; вступительная статья, расшифровка рукописей, комментарии, подготовка к публикации И. Б. Тепловой ; научный редактор Г. В. Лобкова ; Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова ; Кафедра этномузыкологии ; Фольклорно-этнографический центр имени А. М. Мехнецова. — 3-е издание, дополненное и исправленное. — Санкт-Петербург ; Саратов : Амирит, 2024. — 212 с. ; [24] с. ил. ISBN 978-5-00207-667-3 EDN QUQGFR

Рецензенты:

доктор искусствоведения, профессор З. М. ГУСЕЙНОВА кандидат искусствоведения, доцент О. В. ОНЕГИНА кандидат искусствоведения, доцент Е. С. РЕДЬКОВА

Научный редактор

кандидат искусствоведения, доцент Г. В. ЛОБКОВА

«Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами» С. М. Ляпунова раскрывает личность композитора как собирателя народных песен и ревнителя русской культуры. В нем содержатся описания северной архитектуры, православных традиций, крестьянской жизни, впечатлений, связанных с исполнением народных песен и инструментальных наигрышей. Дополнением «Дневника путешествия» является «Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 году» Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова.

Во вступительной статье рассматривается деятельность композитора в качестве члена-сотрудника Песенной комиссии Императорского Русского географического общества, дается научная оценка результатов экспедиции в сопоставлении с современными фольклорными материалами. Публикуются экспедиционные фотографии 1893 года из Отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Издание адресовано специалистам в области музыкознания и фольклористики, а также всем интересующимся историей русской культуры конца XIX века.

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

- © Теплова И. Б. вступительная статья, расшифровка рукописей, комментарии, 2024
- © Санкт-Петербургская государственная консерватория имени Н. А. Римского-Корсакова, 2024

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ЛЯПУНОВ —

СОБИРАТЕЛЬ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬ РУССКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ФОЛЬКЛОРА

Мы только тогда начинаем ценить и понимать настоящее, когда оно отодвигается от нас вглубь прошедшего.

 $C. \ M. \ Ляпунов^1$

С. М. Ляпунов — сотрудник Песенной комиссии Императорского Русского географического общества

Сергей Михайлович Ляпунов — русский музыкальный деятель, многогранно раскрывший свои дарования в качестве композитора, дирижера, пианиста, музыковеда, фольклориста, члена Русского музыкального общества, члена-сотрудника Песенной комиссии Императорского Русского географического общества, профессора Санкт-Петербургской консерватории². Творческая судьба этого замечательного музыканта связана с важным периодом в русской музыкальной культуре рубежа XIX–XX веков.

Обширное наследие композитора еще не изучено в полной мере³. Среди авторов, исследовавших творческий путь и музыкальный стиль композитора — А. С. Ляпунова, М. Е. Шифман, О. В. Онегина⁴. В прошлом личность С. М. Ляпунова и его музыкальное наследие рассматривались, как правило, в контексте композиторской деятельности его современников. На родство художественных натур С. М. Ляпунова и М. А. Балакирева указывал В. В. Стасов: «Из всех композиторов последнего периода XIX века всего более примыкает к Балакиреву по характеру своего музыкального творчества — Ляпунов. Это талант совершенно самостоятельный и ничуть не подражающий Балакиреву и не повторяющий его творений, но некоторые стороны его натуры име-

ют значительное сродство с натурой Балакирева» [Стасов, 1952, с. 742]. М. А. Балакирев являлся наставником и искренним другом Ляпунова, начиная с 1883 года и до последних дней жизни. Во многом именно благодаря М. А. Балакиреву важные страницы жизни С. М. Ляпунова как композитора и общественного деятеля были связаны с обращением к русской народной музыкальной культуре.

культуре. Деятельность С. М. Ляпунова, касающаяся изучения музыкального фольклора, недостаточно хорошо известна специалистам в области музыкознания и музыкальной фольклористики. Исследованию этой части творческого наследия Ляпунова положила начало А. С. Ляпунова⁵, составившая опись архива композитора, подготовившая к переизданию сборники его обработок народных песен [Ляпунов, 1963] и изучавшая материалы, посвященные проблеме использования фольклора в творчестве композитора [Ляпунова, 1963, с. 5–6].

«Композитор Сергей Михайлович Ляпунов <...> был выдающимся собирателем русских народных песен», — отмечала А. С. Ляпунова в предисловии к сборнику «Русские народные песни» [Ляпунова, 1963, с. 3]. В этой эмоциональной характеристике — не только дань дочернего уважения и глубокой любви к отцу, своему первому учителю, но и понимание роли композитора Ляпунова в истории русской музыкальной фольклористики. Внимание к народной музыке, собирательская практика были значимы для профессиональной деятельности С. М. Ляпуновакомпозитора⁶, педагога, а также определили важные вехи развития фольклористики как науки.

тия фольклористики как науки.

С. М. Ляпунов принял участие во второй научной экспедиции Песенной комиссии ИРГО в 1893 году. Именно М. А. Балакирев, будучи научным консультантом Песенной комиссии ИРГО, рекомендовал пригласить С. М. Ляпунова в состав экспедиции в качестве музыканта, способного полноценно записывать напевы народных песен. Обязанность записи поэтических текстов возлагалась на Ф. М. Истомина Экспедиции предстояло преодолеть путь, охватывающий четыре губернии в период с июня по сентябрь 1893 года. Первоначально планировалось работать в Вологодской, Вятской, Костромской, Ярославской и Тверской губерниях. Однако сложные дорожные и погодные условия, а также дефицит времени не позволили осуществить этот замысел во всей полноте.

Экспедиция завершилась в Костромской губернии, Ярославская и Тверская губернии остались лишь в проекте. Основным результатом этой поездки стали записи народных песен, оригиналы нотаций которых сохранились в «Записных книжках» С. М. Ляпунова № 7^8 , 9^9 , 10^{10} , 11^{11} , 12^{12} . Кроме того, большую документальную ценность имеют выполненные композитором совместно с Ф. М. Истоминым фотографии¹³, на которых запечатлены храмы, монастыри (часть из них в наше время уже утрачена), пейзажи местностей, где производились записи, портреты народных исполнителей.

Настоящее издание представляет собой первую публикацию «Дневника путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами» на основе автографа С. М. Ляпунова, хранящегося в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки.

циональной библиотеки.

Рукопись «Дневника путешествия» представляет собой тетрадь в картонном переплете, размером 19 × 22 сантиметров. Документ имеет авторскую пагинацию и содержит 81 лист. Листы 43–47 об., 66–68 об. не заполнены. Записи в тетради производились карандашом. Почерк можно определить как устойчивую скоропись. Для особенностей оформления текста характерно написание дат с заглавной буквы, выделение подчеркиванием географических пунктов (вероятно, автор желал зафиксировать на них внимание). В тексте практически не выделены абзацы. По-видимому, причиной тому может являться поспешность заполнения «Дневника путешествия». Рукопись составлялась С. М. Ляпуновым с 6 июня по 8 сентября 1893 года непосредственно в полевых условиях экспедиции. Собиратель регулярно и настойчиво оставлял в «Дневнике путешествия» заметки и свои размышления об увиденном, несмотря на долгие и утомительные переезды, каждодневную напряженную работу, связанную с поиском народных исполнителей, записью музыкального материала.

пряженную работу, связанную с поиском народных исполнителеи, записью музыкального материала.

Публикуемая рукопись Ляпунова может рассматриваться в жанре путевых заметок¹⁵. В то же время содержание «Дневника путешествия» выходит за пределы только лишь хроники событий путешествия. Это — уникальная в своем роде серия историко-этнографических очерков, посвященных народной культуре, музыкальным впечатлениям, заметкам об увиденном и пережитом

во время нелегкой поездки летом 1893 года по отдаленным местностям северной части Российской Империи. Текст «Дневника путешествия» отражает взгляд неравнодушного, наблюдательного, заинтересованного в происходящем человека. «Дневник путешествия», безусловно, имеет также и научное значение как важный документальный источник, описывающий культурную традицию русской провинции конца XIX века.

русской провинции конца XIX века.

К моменту экспедиции С. М. Ляпунов сформировался как музыкант с разнообразными профессиональными интересами. Переехав в 1885 году из Москвы в Петербург через несколько лет после окончания Московской консерватории с малой золотой медалью 16, молодой музыкант с увлечением погружается в профессиональное и дружеское общение с В. В. Стасовым, М. А. Балакиревым и его единомышленниками. В начале 1890-х годов Ляпунов уже известен в Петербурге как композитор 17.

Творческий багаж С. М. Ляпунова включал сочинения разных жанров: фортепианные пьесы, Симфонию h-moll (1887), Балладу (Увертюру) cis-moll (сочинялась в 1883 и 1894–1896), Концерт для фортепиано с оркестром es-moll (1890). Первое исполнение его произведений состоялось в концертах Бесплатной музыкальной школы (под управлением М. А. Балакирева) и в одном из «Русских симфонических концертов» (под управлением Н. А. Римского-Корсакова).

В 1880–1890-х годах окончательно сложился и круг музыкальных предпочтений С. М. Ляпунова — русская («новая русская школа»), западноевропейская музыка (в частности, произведения Ф. Листа) и народная песня. Самые ранние записи народных песен, сделанные молодым музыкантом в имении Сеченовых в Теплый Стан (Курмышский уезд Симбирской губернии), относятся, вероятно, уже к концу 1870-х гг. Позже композитор записывал песни в имении своих родителей Болобоново (Курмышский уезд Симбирской губернии), а также в имении Касьяновых Рабедево (Макарьевский уезд Нижегородской губернии) и в других местах [Ляпунова, 1963, с. 4].

Свидетельством интереса композитора к музыкальному фольклору является составленный А. С. Ляпуновой рукописный каталог находившихся в библиотеке С. М. Ляпунова сборников песен разных народов (малороссийских, польских, болгарских, сербских, словацких, лужско-словенских, моравских, чешских,

хорватских, черногорских, венгерских, мадьярских, греческих, итальянских, французских, финских, арабских, индийских, американских индейцев и пр.). Незаконченный каталог включает 859 наименований²⁰. Состав библиотеки свидетельствует о широкой эрудиции и глубоком профессиональном интересе композитора к разнообразным фольклорным источникам.

эрудиции и глубоком профессиональном интересе композитора к разнообразным фольклорным источникам.

В 1892 году М. А. Балакирев и Т. И. Филиппов²¹ привлекли молодого музыканта к работе в Этнографическом отделении ИРГО. Спустя год С. М. Ляпунов получил официальный статус члена-сотрудника, занимался рецензированием музыкальных материалов, сборников песен, поступающих в Песенную комиссию ИРГО. Важное значение имела работа по редактированию сборника из серии публикаций, запланированных Песенной комиссией ИРГО. Сборник «Песни русского народа»²² был составлен по результатам первой научной экспедиции 1886 года Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша в Олонецкую, Архангельскую и Вологодскую губернии. Г. О. Дютш²³, автор нотаций песен, вошедших в сборник, не успел завершить подготовку материалов к публикации, и эта работа была передана С. М. Ляпунову. Изданный в 1894 году сборник включал народные песни разных жанров, впервые представлявшие севернорусскую традицию в ее подлинном виде (в том числе и эпические напевы).

Публикация была встречена современниками с большим интересом. В письме профессора истории музыки Парижской консерватории Луи Альбера Бурго-Дюкудре²⁴ С. М. Ляпунову от 27 января 1895 года содержится высокая оценка этого издания, полученного им из России: «После прекрасного сборника Балакирева и Римского-Корсакова я не ожидал встретить в этом новом томе столько неподозреваемых сокровищ» [Филиппов, 1896, с. 219]. Активная работа в Песенной комиссии ИРГО, практика редак-

Активная работа в Песенной комиссии ИРГО, практика редактирования фольклорных материалов и первые опыты собственной собирательской работы позволили композитору приобрести представления о жанровых свойствах и особенностях бытования народных песен. «В этот период наиболее последовательно и систематически проявились его взгляды на русскую народную песню, методы ее отбора и записи», — отмечала А. С. Ляпунова [Ляпунова, 1963, с. 4]. Накопленный музыкантом опыт способствовал разработке специального «Вопросного листа по собиранию сведений о русских народных песнях»²⁵. С помощью такого

«Вопросного листа» предполагалось получать информацию об особенностях бытования песен различных жанров, о музыкальных инструментах, а также рекомендации о наиболее благоприятном времени для работы экспедиции. Среди рекомендаций подготовленной С. М. Ляпуновым анкеты имеются следующие: указание местности (села или деревни), где сохранились песни, «с обозначением, какой именно род песен преобладает в каждой из них»²⁶, имен и местожительства старожилов, «помнящих старинные песни, былины или духовные стихи». Анкета также включала пожелания «сообщить тексты некоторых песен, былин или духовных стихов для предварительного с ними ознакомления»²⁷.

«Объяснительная записка к вопросному листу» 28 разъясняла и помогала наиболее точно сформулировать ответы на поставленные вопросы. Стремление к установлению контактов в уездной и губернской среде, понимание большого научного и художественного значения, которое может иметь «удачно собранный песенный материал», вызвало обращение С. М. Ляпунова от имени Песенной комиссии ИРГО в губернские и уездные земские управы, в учреждения по исследованию местной старины, к земским начальникам, в уездные училищные советы, к учителям народных школ, сельским священникам.

ским священникам.

В обращении С. М. Ляпунов писал: «С высочайшего Его Императорского Величества соизволения Песенная Комиссия Императорского Русского Географического Общества приступила к снаряжению экспедиций для записывания песен непосредственно с голосов народа, озабочиваясь сохранением живущих еще в народе остатков его песенного творчества. Ввиду этого, для обеспечения успеха предполагаемых экспедиций, Песенная Комиссия обращается к Вам с просьбой ответить на прилагаемом при сем вопросном листе возможно подробно на все помещенные в нем вопросы. Вместе с тем, ввиду высокого научноэтнографического и художественного значения, которое может иметь удачно собранный песенный материал, Песенная Комиссия просит Вас со своей стороны указать, какие меры признаете Вы наиболее целесообразными для достижения лучшего успеха предпринятому делу в Вашей местности независимо от предложенных при сем вопросов»²⁹.

Логическим продолжением сотрудничества композитора с Песенной комиссией стало его участие во второй научной экспеди-

ции ИРГО совместно с Ф. М. Истоминым. Итогом поездки стала публикация сборника «Песни русского народа собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году» 30 , а также научный отчет об экспедиции, который был прочитан спустя год на заседании Этнографического отделения ИРГО [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 331–354] 31 .

В сборнике содержатся поэтические тексты и напевы без сопровождения (всего 165 образцов), аналитическое обобщение результатов работы экспедиции, приведенное в предисловии. В составе сборника семь разделов, которые представляют различные жанровые группы песен и, в свою очередь, включают в себя подразделы: I — «Духовные стихи»; II — «Былины»; III — «Коляда»; IV — «Причеты» («Свадебные», «Рекрутские», «Похоронные»); V — «Свадебные» («На сговорах», «На смотреньи», «На девишнике», «Как по невесту приедут», «После венца», «Во время красного стола», «Величальные»); VI — «Песни хороводные, плясовые, праздничные, обрядовые» («Хороводные», «Плясовые», «Троицкие», «Ивановская», «Сенокосная», «Помочанская», «Рождественские», «Святочные», «Масленичная»); VII — «Песни протяжные» («Любовные», «Семейные», «Рекрутские и воинские», «Разбойничья», «Тюремные»). Научный аппарат издания включает несколько перечней: «Указатель местностей с обозначением певцов и певиц, пропевших вошедшие в сборник песни», «Список местностей, где записывались песни, с обозначением времени их посещения», «Алфавитный указатель к песням». В целом, структура издания повторяет ра-нее опубликованный сборник из серии «Песни русского народа» (1894), который был первым научным изданием материалов экспедиции Песенной комиссии ИРГО.

«Дневник путешествия» С. М. Ляпунова как источник сведений о народной традиционной культуре

«Дневник путешествия» можно рассматривать как важный источник историко-этнографических материалов о традиционной культуре и ее состоянии в конце XIX века. Он включает экскурсы в русскую историю, описания архитектуры, этнографию народного быта, характеристики впечатлений, связанных с исполнением народных песен, размышления о настоящем и будущем крестьян-

ской культуры. Описания культурного ландшафта трех российских губерний, картины традиционной жизни русского крестьянства отражают многосторонние интересы музыканта и изложены живым литературным слогом.

Маршрут экспедиции

В «Дневнике путешествия» повествование, посвященное экс-

В «Дневнике путешествия» повествование, посвященное экспедиционному маршруту, выстроено в хронологическом порядке. Лаконичные записи С. М. Ляпунов делал практически в каждом населенном пункте. Рукопись состоит из 17 разделов, озаглавленных автором: [1.]³² Село Кубенское (Кубено); [2.] Кубенское озеро; 3. Тотемский уезд (Кокшеньга); 4. Архангельск; 5. От Архангельска до Черевково; 6. Красноборск и Сольвычегодск; 7. Великий Устюг; 8. По дороге в Никольск; 9. Никольск; 10. Вологодская губерния; 11. Орлово. Вятская губ[ерния]; 12. Вятка; 13. По Вятской губернии³³; 14. Вятская губерния; 15. Ветлуга; 16. От Ветлуги до Макарьева; [17]. От Макарьево до Костромы.

Композитор не оставил своих распоряжений относительно «судьбы» «Дневника путешествия». Неизвестно, хотел ли Ляпунов опубликовать его и сделать описание путешествия доступным широкому кругу читателей. Можно лишь предположить, что такие намерения имели место, так как автор структурировал текст, выделил разделы, дал им наименования, стремился к тому, чтобы повествование соотносилось с реальным временем и маршрутом экспедиции. Но были и исключения, когда материал, не вошедший в описание конкретного дня работы экспедиции, фиксировался в более позднее время³⁴. Таким образом, складывается впечатление, что выделяемые Ляпуновым разделы представлялись ему в виде определенного последования глав. Однако первоначальным и основным мотивом создания «Дневника путешествия» можно считать желание прежде всего сохранить в собственной памяти стремительно сменяющие друг друга дорожные впечатления, встречи, которые глубоко затрагивали ум и сердце автора. Страницы рукорие глубоко затрагивали ум и сердце автора. Страницы рукорчерель касающихся главной пели поезпки — записи наропных очерель касающихся главной пели поезпки — записи наропных и, порой, субъективный характер целого ряда оценок, в первую очередь касающихся главной цели поездки — записи народных песен. Стремление получить как можно более полный и убедительный результат – зафиксировать старинные напевы, среди которых предметом специальных поисков были былины и духовные

стихи, — иногда входило в противоречие с реальными обстоятельствами, в которых оказывались собиратели, с недооценкой С. М. Ляпуновым значимости выполняемой работы для музыкальной фольклористики, в то время еще только формировавшейся как научное направление.

События, связанные с экспедиционными исследованиями, проходившими по территории Вологодской губернии, нашли отображение в очерках с [1] по 10; по территории Вятской губернии — с 11 по 14; по территории Костромской губернии — с 15 по [17].

Экспедиция обследовала 14 волостей в 5 уездах (Великоустюжском, Вельском, Вологодском, Никольском, Сольвычегодском) Вологодской губернии; 8 волостей в 5 уездах (Вятском, Котельничском, Нолинском, Орловском, Яранском) Вятской губернии; 6 волостей в 5 уездах (Варнавинском, Ветлужском, Кинешемском, Кологривском, Макарьевском) Костромской губернии. В Вологодской губернии — 21 населенный пункт, в Вятской — 10, в Костромской — 6. С. М. Ляпунов и Ф. М. Истомин в общей сложности преодолели 2600 верст, побывав в 37 населенных пунктах [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 333].

Вторая научная экспедиция Песенной комиссии ИРГО (1893 г.), как и первая (1886 г.), снаряжалась на средства, выделенные из государственной казны и осуществлялась под знаком покровительства Императорского двора³⁵.

На долю участников экспедиции пришлись немалые испытания — август 1893 года отличался бесконечными дождями, которые приводили дорогу в состояние абсолютной негодности. Сообщения о трудностях пути, дорожных происшествиях нередко являлись предметом описаний С. М. Ляпунова. В селе НиколаТоржок Макарьевского уезда С. М. Ляпунов отмечал: «Вследствие беспрерывных дождей все дороги были размыты и часто приходилось ехать сплошь по воде» 36. Экспедиционеров регулярно подстерегали неприятности, связанные с многократными поломками тарантаса на протяжении всего пути следования. Так, в Вологодской губернии, «не доезжая 4-х верст до Никольска, мы опять подвергнулись неприятной случайности: сломалось колесо» 37. В записях из города Судиславля Костромской губернии собиратель отмечает: «Когда приехали в Судиславль, то оказалось, что другое колесо нашего тарантаса имеет только ½ обода и шипа. Как оно докатилось до места — непонятно» 38. Опасное происшествие случи-

лось и на дорогах Вятской губернии: «...не доезжая версты четыре до Яранска, наш тарантас опрокинулся от сломавшегося колеса» Следует отдать должное мужеству, с которым Φ . М. Истомин и С. М. Ляпунов настойчиво преодолевали многочисленные дои С. М. Ляпунов настоичиво преодолевали многочисленные дорожные препятствия. «Дневник путешествия» содержит весьма драматичные описания опасных речных переправ через Северную Двину, Вятку, Унжу: «Двина бушевала; поднялся ветер, и вся река поднялась валами и белыми пенистыми хребтами. Нас укрыли в тарантас так, что я едва не задохнулся. Переезд совершался крайне медленно, не менее двух часов» 40.

Вместе с тем, в тексте иногда проглядывает и довольно ировместе с тем, в тексте иногда проглядывает и довольно иро-ничное отношение к непредвиденным дорожным ситуациям. Таково описание переправы через реку Унжу в Костромской губернии: «Ямщик начал кричать перевозчикам, чтобы давали перевоз. Вследствие безуспешности его крика, к нему присоединились и мы, но на наш крик никто не откликался. <...> мы продолжали свой вокальный концерт. После полуторачасового кричания, продрогшие от сырости и холода, мы, наконец, услышали ответный крик и вслед за тем показался движущийся на пароме ϕ онарь»⁴¹.

Этнографические замечания

Этнографические описания в «Дневнике путешествия» касаются крестьянской архитектуры, устройства избы, традиционного костюма, народных ремесел, свадебного обряда, способов земледелия.

земледелия.

Значительная протяженность экспедиционного маршрута позволила его участникам наблюдать разнообразные виды организации деревенского пространства (топографии местности). Так, в деревне Черевково Сольвычегодского уезда Вологодской губернии С. М. Ляпунов обратил внимание на своеобразное расположение изб: «Такого расположения я еще нигде не видал: избы по одиночке разбросаны по полю в беспорядке и каждая окружена посевами: все расположены на значительном расстоянии одна от другой, разгорожены пряслом или плетнем»⁴². По мнению путешественника, именно местоположение объяснялось на первый взглял беспорядочное расположение изб в селе Нижняя Тойма взгляд беспорядочное расположение изб в селе Нижняя Тойма Сольвычегодского уезда: «Деревня была расположена в таком беспорядке, что я долго прогулял по ней <...> Избы жмутся друг

 κ другу почти вплотную и фасадом обращены в разные стороны. Это вызывалось местоположением, так как вся окружающая деревню местность затоплялась весною»⁴³.

Предметом внимания становится устройство крестьянской избы, имеющее различия в разных губерниях: «В Устюжском уезде я обратил внимание на устройство изб, существенно отличающееся от других уездов. Здесь изба по постройке стала подходить к избам средней полосы России. Они не так велики, как в Вологодском и Тотемском уездах»⁴⁴.

На страницах «Дневника путешествия» можно найти также обстоятельное описание крестьянской избы в деревнях, располагающихся неподалеку от озера Кубенского, и в других местностях Вологодского уезда: «Очень оригинальны избы своей постройкою. Почти все они двухэтажные; вы входите в сени, разделяющие переднею избу от задней; в нижнем этаже первой избы, выходящей на улицу, находится кладовая, имеющая вход с улицы или сбоку. В сенях вы поднимаетесь по лестнице и входите в теплую избу над кладовой. Расположение ее, в общем, похоже на избы средней полосы России, только гораздо просторнее <...> По другую сторону сеней находится изба холодная. Низ ее занят помещением для скотины, оно заменяет скотный двор средней полосы. Наверху помещаются птицы, и имеется иногда холодная жилая комната, кажется, для лета; такую мы занимали. Дворов, т.е. отгороженного пространства, где помещаются мшаники коров и т. п., как в средней полосе России, нет. Это общий тип постройки всей местности при озере Кубенском и в Вологодском уезде» 45.

В процессе работы экспедиции обнаружился большой интерес путешественников к традициям народного ткачества, их восхищала красочность старинного свадебного костюма, привлекали внимание его местные особенности. Ляпунов отмечает сохранность старинного костюма в «глухих местах» Тотемского уезда Вологодской губернии: «Мужчины ходят в рубахах-косоворотках, сшитых из белого холста местного тканья, причем косой ворот рубахи пробран (или выкладен, по местному) красным узором вокруг шеи и углом на груди по разрезу ворота. Таким же узором обшивают и рукава. Молодые парни иногда по праздникам носят вышитые портянки (онучи), шитье которых выпускается поверх голенища сапогов. Девушки обшивают подолы рубашек широкими узорами, вышитыми или выкладеными» 46.

Внимание С. М. Ляпунова было обращено и на изменения, происходившие в традиционном костюме в разных уездах. Так, в Никольском уезде Вологодской губернии зафиксированы следующие наблюдения: «В отношении костюма народного тоже произошла большая перемена; правда, тип сарафана еще сохранился, но исчезли местные ткани и шитые рукава остались только в виде исключения. Все заменяется ситцем»⁴⁷.

В Сольвычегодске собиратели оказались свидетелями обряда венчания крестьянской свадьбы. С. М. Ляпунов подробно описывает приготовления к венчанию, наряд невесты. Ритуальные действия, связанные с расплетением косы невесты, сменой прически, надеванием женского головного убора, автор раскрывает с большим вниманием к происходящему и точностью. «Перед возложением венцов стоящие подле нее две женщины, одинаково одетые в синих сарафанах, сняли с нее повязку и расплели косу. По снятии венцов ее накрыли большим шелковым платком, а по окончании обряда венчания ее увели в трапезу и начали заплетать ей две косы, надели на нее мархатку (головной убор), повязали платком и сверху накрыли еще другим. В таком виде она и поехала» 48. Особое внимание к увиденному, по словам композитора, было обусловлено тем, что рассказы о подобных обрядовых действиях крестьянской свадьбы собиратели слышали незадолго до этого в Красноборске.

Участники экспедиции посещали местные краеведческие музеи, интересовались народными промыслами. Особенно поразили С. М. Ляпунова произведения народных мастеров во время пребывания в Вятской губернии: «Кустарное производство очень развито в Вятской губернии, а некоторые отрасли его достигли значительного совершенства, как, напр[имер]: изделия из капа, корешка и карельской березы. В музее можно купить много предметов, сделанных из этих материалов портсигары, спичечницы, чайные ящики, шкатулки. Там можно видеть все отрасли кустарного производства Вятской губернии: кукарские кружева, плетеные корзины, железные изделия, обувь, горшки <нрзб> простонародные игрушки, мебель»⁴⁹.

На протяжении экспедиционного маршрута С. М. Ляпунов приобретал образцы крестьянских изделий. Возможно, они предназначались для музея ИРГО. Так, в Черевково были приобретены 10 аршин кежа, толстой льняной ткани, которая ис-

пользовалась крестьянами на постели (тюфяки). С. М. Ляпунов обнаруживает неожиданную для музыканта осведомленность в деталях крестьянского ткачества, разъясняя на страницах «Дневника путешествия» отличия кежи, толстого полотна в полоску, от холста, «который ткется из так наз[ываемой] поперечной кудели, т. е. льняных вычесок, когда чешут лен» 50. В Красноборске, как указывает автор путевых заметок, крестьяне приносили для петербуржцев разнообразные предметы местного рукоделия, в том числе — кушаки, тканье. Из них была куплена «для образца» пара кушаков 51. В Вятке взамен пострадавшего во время трудных переездов чемодана композитор приобрел корзину, плетеную из корней, «вятского производства» 52. Не могли собиратели пройти и мимо изделий Михаила Ивановича Кошкова, знаменитого в Устюге мастера художественной обработки металла — чернения серебра, промысла, сложившегося здесь еще в XVII веке. С. М. Ляпунов указал, что на память о пребывании в Устюге собиратели «заказали ему по паре запонок с изображением устюжских соборов» 53.

Православные традиции русской провинции

Описание православных традиций, сложившихся в глубокой провинции, представляет большой интерес как свидетельство духовной жизни русских крестьян конца XIX века. Эти вопросы первоначально не входили в научные планы работы экспедиции и поэтому не нашли отражения в отчете. Таким образом, именно дневниковые записи С. М. Ляпунова сохранили наблюдения, имеющие большую документальную ценность. В них раскрываются особенности православного мировоззрения, которое было неотъемлемой частью жизни самого композитора.

Большое место в «Дневнике путешествия» занимают повествования об истории святых мест, упоминания о местночтимых святых и иконах, описания храмовых комплексов и их убранства, церковных служб, крестных ходов. Совершенно понятным было внимание композитора к различным храмам и монастырям⁵⁴, которые оказывались непосредственно на пути следования или находились в пределах досягаемости. Участники экспедиции присутствовали на церковных службах, молебнах, посещали святые места. Результатом интереса к православным традициям стали фрагменты «Дневника путешествия», воссоздающие легенды,

связанные с возникновением церквей и монастырей, почитанием святых, народные предания о чудотворных иконах.

В частности, остановка в Спасо-Прилуцком монастыре, основанном Димитрием Прилуцким, отражена уже в первых записях «Дневника путешествия»: «Здесь мы останавливались поклониться мощам преподобного, напиться из вырытого им самим колодца, около которого стоит деревянный крест, сделанный самим преподобным» 55. Прикладываясь к мощам преподобных Димитрия и Игнатия, С. М. Ляпунов «мысленно испрашивал их благословения на предуприциятае нами дето. 56 на предпринятое нами дело»⁵⁶.

Участникам экспедиции пришлось преодолеть 13 верст по Кубенскому озеру на лодке, чтобы прибыть в пустынь Александра Куштского, где они посетили монастырь, присутствовали на молебне преподобному князю Иоасафу. С. М. Ляпунов подробно описывает сохранившийся деревянный крест, на месте которого, по преданию, преподобный Александр Куштский хотел основать свою обитель, но ушел из-за множества змей. Впечатления от пустыни Александра Куштского связаны и с живописностью места, и с иконостасом старинной работы⁵⁷.

и с иконостасом старинной раооты ... Красота и строгость культовой архитектуры неизменно восхищали Ляпунова так же, как и живописность просторов и селений Русского Севера. В письме к жене С. М. Ляпунов писал из Великого Устюга: «Подъезжая к городу [Устюгу. — И. Т.], я был поражен красотою вида, который открывался на город. Он расположен на низком берегу Сухоны и, подъезжая к нему, приходится несколько спускаться с горы. С последнего пригорка он открывается весь, и эта масса церквей и колоколен, которыми усеян весь город, сразу приковывает к себе взор, представляя нечто необычайное»⁵⁸.

Описания в «Дневнике путешествия» позволяют предположить, что собиратели целенаправленно интересовались традициями церковной жизни, обращаясь с расспросами к старожилам. Благодаря рекомендациям местных жителей состоялась поездка в влагодаря рекомендациям местных жителей состоялась поездка в деревню Котовалово Вологодской губернии, известную по преданию, связанному с именем святого Прокопия Устюжского: «17-го [июня] с утра мы решили съездить в Котовалово, место, где упал "каменный" дождь, предсказанный святым Прокопием Устюжским <...> Монастырь Котовалово очень древний и расположен на крутой, высокой горе, покрытой лесом. Сам мост, где произошло знаменитое событие, обнесен оградою и внутри его построены две

часовенки, одна большая каменная, другая маленькая, деревянная, поставленная над собранными камнями. <...> Мы отломили себе несколько камешков на память»⁵⁹.

Именно почитание святого Прокопия Устюжского, по мнению С. М. Ляпунова, является одной из значимых особенностей жизни крестьян Вологодской губернии. Он отмечал, в целом, особую приверженность православным традициям: «Народ вообще благочестив и набожен. Этим только можно объяснить существование церквей без приходов или с малыми приходами. Люди чтут свою старину церковную и желают сохранить ее» 60.

В Вологде собирателям довелось стать свидетелями «всеобщей» молитвы вологжан, которая сопровождала проводы отплывающего парохода: «К числу характерных чисто русских обычаев надо отнести и следующий. <...> После третьего свистка капитан скомандовал убрать мостки, снять чалки, и когда пароход остался уже свободным на реке, капитан громко произнес: "Помолимся Богу". Все как на пароходе, так и оставшиеся на берегу, сняли шапки и, обратясь к церкви св[ятого] Федора Стратилата, стоящей около пристани, стали креститься. После этой всеобщей молитвы капитан скомандовал машинисту дать ход, и пароход тронулся. То же самое повторялось и на пристанях, где пароход останавливался» 61.

Во время экспедиции на страницах «Дневника путешествия» композитор постоянно касается тем, связанных с историей русской церкви. На протяжении всего маршрута собиратели в тех или иных обстоятельствах встречались с раскольниками, наблюдая за особенностями их жизни и сравнивая с православными. Описывая свое пребывание в местности Кокшеньга, С. М. Ляпунов заметил, что среди жителей есть раскольники, «но живут они между православными, не составляя отдельных обществ» ⁶². Раскольники были темой беседы С. М. Ляпунова со становым приставом в Новленском, на Кубенском озере, который указывал на раскол как на причину «отчасти бессемейной жизни» крестьян ⁶³. В Нижней Тойме собиратели жили в избе, хозяин которой был раскольником ⁶⁴.

хозяин которой был раскольником⁶⁴. Среди жителей села Черного Варнавинского уезда Костромской губернии также оказалось немало раскольников, в том числе и содержатель земской станции. Ляпунов, после неудовлетворившей его встречи с певцами-раскольниками, оставил свои замечания

в «Дневнике путешествия»: «Раскольники считают разнообразие напевов новшеством, но не следует забывать, что для раскольника весь образ жизни православного люда есть новшество, хотя бы он был и древнее раскольничьего» 65 .

Завершая свое путешествие в Судиславле Костромской губернии, собиратели посетили старое раскольничье кладбище в городском лесу, куда их проводил местный становой. С. М. Ляпунов помещает на последних страницах «Дневника путешествия» сведения, полученные от станового о раскольниках: «По его словам, раскол здесь теперь держится не так крепко, как прежде, и многие уже начинают ходить в православные церкви» 66.

В «Дневнике путешествия» нашли место и философские размышления о путях сближения с народом на основе следования православной вере. Так, после встречи с учителями народных училищ и агрономами Вятки, которые должны были составить специальную «комиссию» по содействию работе экспедиции, в «Дневнике путешествия» появляются строки: «...они не понимают, чего мы ищем, и растолковывать им труднее, чем простому крестьянину <...> неужели таким лицам поручено обучение народа и его просвещение? <...> Все толкуют о тупости народа, его косности в своих суевериях и предрассудках, но не понимают того, что влиять на народ можно только сблизившись с ним, а это последнее невозможно без духовного единения на почве веры» 67.

Методы и результаты собирательской деятельности

На страницах «Дневника путешествия» описаны обстоятельства работы собирателей, связанные с поисками народных исполнителей и записями народных песен. Характеристика музыкальной традиции предстает сквозь призму фиксации каждодневных впечатлений от экспедиционных будней.

Ф. М. Истомин, описывая в отчете способы собирания песен, отмечал, что при выборе мест для остановок они с С. М. Ляпуновым руководствовались указаниями знатоков края из волостных чиновников и земских деятелей, которые «имеют непосредственные сношения с народом» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 334]. В отчете собиратель выражал свою признательность за деятельное содействие многочисленным помощникам: «Иногда такие указания приносили нам существенную пользу, и при этом случае нельзя не вспомнить с благодарностью о всех, кто с полною готов-

ностью оказывал нам возможное содействие» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 334]. Методы работы, применяемые собирателями, включали контакты с местными властями, которые, по предъявлении участниками экспедиции специальных губернских или земских предписаний, приглашали крестьян для общения с петербуржцами и записи песен, как правило, в волостных правлениях. Среди тех, кто участвовал в работе экспедиции, — земское начальство, становые приставы, урядники, исправники, старшины, старосты, писари, священники, смотритель и инспектор народного и духовного училищ, местный историк, городской голова, агрономы и т. д. Источником полезных сведений о деревенских певцах были беседы с местными жителями, крестьянами, ямщиками, хозяевами почтовых станций и др. В Вятке собиратели встретились с «вятской интеллигенцией»: «...были люди всевозможных специальностей и рода занятий, наиболее основательным показался мне князь Верещагин, историк Вятского края, подробно изучивший все летописи, акты и грамоты, сюда относящиеся. Он снабдил нас двумя своими брошюрами по поводу Вятского летописца <...> Для нашей цели были собраны тоже кое-какие сведения, и нас снабдили выписками местностей и лиц, от которых были записаны песни»⁶⁸.

В большинстве случаев собиратели осуществляли записи песен от крестьян, которых приводили в волостные правления. Однако практиковался и иной метод работы. Так, в деревне Печенкино Ильинской волости Яранского уезда Вятской губернии записи духовных стихов осуществлялись непосредственно в доме Федора Васильевича Михеева, 46 лет.

Как указывает Ф. М. Истомин в отчете, в результате работы экспедиции *«всех певцов прослушано нами 121 и певиц 101; всего же — 222 человека»* [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 337]. Как видно, мужчины участвовали в исполнении песен чаще, чем женщины. Именно от мужских составов были записаны «виноградья», немало лирических песен, а также хороводные и свадебные. Следует отметить большую ценность подобных свидетельств. Традиция мужского исполнения песен этих жанров, еще существовавшая на рубеже XIX–XX веков, впоследствии оказалась практически утраченной⁶⁹. Особое значение С. М. Ляпунов придавал женским ансамблям, которые справедливо считал основными хранителями обрядовых жанров.

Поиск старинных песен, былин, духовных стихов являлся центральной задачей, стоявшей перед экспедиционерами. Выбор маршрута, по возможности, определялся с учетом приоритета «глухих», отдаленных и отмеченных особым историческим прошлым местностей. Однако не всегда ожидания собирателей оправдывали себя. Практически на всем протяжении пути собиратели фиксируют состояние культурной традиции, которое представляется им неблагоприятным.

В «Дневнике путешествия» содержатся замечания о сохранности форм фольклора, о своеобразии звучания песен, характеристики народных исполнителей, деревенских жителей. Интересны наблюдения С. М. Ляпунова о распространении различных жанров на обследованных территориях.

В результате экспедиционной работы в 1893 году были осуществлены записи 278 поэтических текстов (Истоминым) и 265 соответствующих им напевов (Ляпуновым). Наибольшее количество записей было выполнено в Вологодской губернии — 155 записей, в Вятской — 61 запись, в Костромской — 62. В сборник «Песни русского народа» вошли 159 напевов и 165 соответствующих им поэтических текстов [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 340]. Остальные материалы остались неопубликованными.

Экспедиционные материалы из Вологодской губернии

Работа в Вологодской губернии оказалась наиболее продолжительной по времени и успешной по числу записанных песен. Тем не менее, результаты начального этапа работы в деревнях, расположенных неподалеку от Кубенского озера, не вполне удовлетворили С. М. Ляпунова: «Относительно главной цели нашего путешествия общее заключение должно быть сделано не в хорошую сторону. С большим трудом нам удалось собрать небольшое количество песен и причетов, а причину этой неудачи прямо следует искать в исчезновении песен в народе. Здесь народ настолько уже отрешился от своей старины, что у него не сохранилось почти никаких памятников прежнего творчества» 70. Собиратель сетовал также на «нехудожественное», по его мнению, исполнение песен. Такое восприятие звучания народных песен было связано, вероятно, с недостаточным слуховым опытом Ляпунова в первые дни работы экспедиции, с иными ожиданиями, не совпавшими с критериями, привычными по отношению к про-

фессиональному творчеству. Однако тонкое чутье музыканта не могло не отметить своеобразия в звучании обрядовых напевов: «Более других сохранились песни свадебные и причеты, между которыми есть интересные» 71 .

В глухой местности Бабьего озера собиратели предполагали найти «старинные песни» и, «может быть, даже былины» 72. Однако эти надежды не оправдались, что вызвало у С. М. Ляпунова вполне понятное сожаление: «...былин и дух[овных] стихов совсем не оказалось, а из песен более уцелели свадебные. Поют же лирические (бытовые, семейные и любовные), [которые] превратились в солдатские или приняли оттенок какой-то пошловатости и ухарства. То же, что замечалось и на Кубенском озере, хотя всетаки здесь эти влияния оказались не так сильны» 73. Такая категоричность суждений автора записи, возможно, связана с недооценкой своеобразия музыкального стиля местных традиций, с одной стороны, и непринятием в расчет процессов динамических изменений культурной традиции, с другой.

Страницы «Дневника путешествия», посвященные исследованию песенных традиций Кокшеньги, раскрывают осведомленность и глубокий интерес Ляпунова к историческому прошлому этих мест, обрядовой культуре, традиционному костюму, которые вновь связывались с надеждами на встречи с исполнителями «старинных» песен, былин и духовных стихов. Реальность оказалась иной, о чем С. М. Ляпунов пишет в «Дневнике путешествия»: «В ней [Кокшеньге. — И. Т.] сохранилось много старых обычаев и обрядов, особенно свадебных, сохранились и древние костюмы; шитые золотом головные уборы, <...> но при всем этом не сохранилось народной поэзии, песен и былин»⁷⁴. Заметим, что в целом результаты работы на Кокшеньге, в деревнях Монастырской (Погост Маркушевский) Бережнослободской волости, Игумново Шевденицкой волости, Салтыковской (Башевской) Спасской волости Тотемского уезда, можно считать значительными, о чем свидетельствуют записи 36 образцов причитаний и песен разных жанров (лирических, хороводных).

Следует отметить внимание собирателей к жанру причитаний, составляющих одну из доминант культурной традиции Вологодчины. Ф. М. Истомин в отчете об экспедиции отмечает: «Все причеты и плакашки записаны исключительно от пожилых женщин-причетниц, еще довольно многочисленных в Вологодской

губернии» [Отчет об экспедиции ... , 1894, с. 342]. Этнографически точными выглядят описания обстоятельств исполнения похоронных причитаний в селе Кичменское-Афанасьевское Никольского уезда Вологодского уезда. Первоначально С. М. Ляпунова привлек необычный, «своеобразный» вид кладбища, затем — причитающие на могилах женщины: «...над каждой могилой находились три соединенные вместе скамейки, из которых средняя, немного повыше, могла служить как бы столиком. <...> 27 июля в Кичменском был храмовый праздник в приделе Пантелеймона; <...> проходя мимо кладбища, я увидел, в чем состоит настоящая цель описанных выше скамеек: на могиле сидели и лежали женщины, обыкновенно по две, при которых одна причитала, а другие надрывались в рыданиях. Вслед за нами из церкви шла одна женщина, неся узелок. Поравнявшись с кладбищем, она свернула с дороги, прошла к могиле, положила узелок на столик, оправилась, потом села на скамью и, облокотясь на кромки, начала причитать сначала тихо, потом громче и громче, прерывая причет рыданиями. Эти причеты имеют определенную мелодию, и все причитают на один напев» 15.

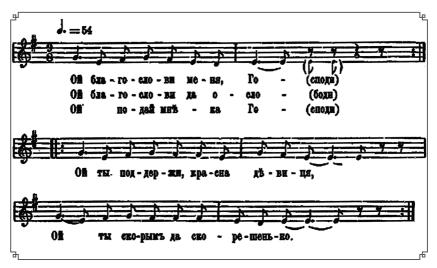
Основная часть напевов сольных причитаний, зафиксирован-

Основная часть напевов сольных причитаний, зафиксированных С. М. Ляпуновым и вошедших в публикацию, принадлежит свадебному обряду, различным его этапам. Кроме них в сборник «Песни русского народа» (1899) вошли два образца рекрутских и одно похоронное причитание. Сопоставление причитаний в записи С. М. Ляпунова с материалами современных фольклорных экспедиций дает представление об устойчивости ряда структурных и мелодических закономерностей музыкальной формы этого жанра. Такой вывод, в частности, позволяет сделать сравнение сольного причитания, записанного композитором в деревне Мумаихе Бабозерской волости Тотемского уезда (пример 1), и причитания из деревни Заболотье Востровского сельского совета Нюксенского района в записи 1989 года совместной фольклорной экспедиции Ленинградской консерватории и Вологодского педагогического института (пример 2).

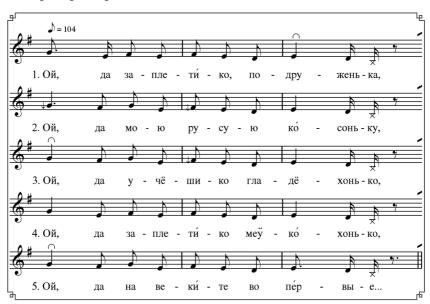
института (пример 2).

Большое значение для современной этномузыкологии имеют записи групповых причитаний, выполненные собирателями в Вологодском, Тотемском, Никольском уездах. Коллекция напевов этого жанра в записи С. М. Ляпунова, представляющая вологодскую традицию, содержит наибольшее количество образцов из числа материалов, зафиксированных собирателями в XIX веке и

Пример 1. Причитание невесты («как просватают») 76

Пример 2. Причитание невесты 77

вошедших в научный оборот. К жанру групповой причети Ю. И. Марченко относит 8 образцов напевов и 9 поэтических текстов, опубликованных в сборнике «Песни русского народа» [Марченко, 1990, с. 155]. В Тотемском уезде традицию исполнения группового причитания представляют 4 напева и 5 поэтических текстов:

- «Благослови миня, Господи» из деревни Игумново Шевденецкой волости 78 :
- «Ой дак не красота не хо[рошая]» из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости⁷⁹;
- «Ой ты зайди, зайди на небе» из деревни Мумаихи Бабозерской волости 80 ;
- «Не охота мне, батюшко» и «Мой кормилец-от, батюшко» из деревни Монастырской (Погост Маркушевский) Бережнослободской волости 81 .

В Вологодском уезде были выполнены две записи в селе Кубенском Кубенской волости:

- «Ой да красота ли да моя да кра[сота]»82;
- «А да на проходе день меженной» 83.

В городе Никольске удалось зафиксировать также два образца групповой причети:

- «И мой ты свет, белая лебедь. Как севодни, сево утра, сево утрица раннева» 84 ;
- «И мой ты свет, бела́я лебедь. Это штёй-то я, мо́лода, засиделась, задумалась» 85.

«Методика ранних собирателей, — отмечает Ю. И. Марченко, — оказалась недостаточной для фиксации напевов коллективной традиции исполнения» [Марченко, 1990, с. 139]. В записи С. М. Ляпунова все напевы групповой причети представлены в одноголосном изложении.

Исследуя причетную традицию территории, прилегающей к Кубенскому озеру, Ю. И. Марченко указывает: «Современные экспедиционные обследования районов Кубены (по маршруту Истомина и Ляпунова), а также юго-западных районов Вологодской области (Грязовецкого, Междуреченского, Сокольского) показали, что развитые формы однострочных напевов широко бытуют в групповой свадебной причети местных традиций» [Марченко, 1990, с. 139]. Исследователь обращает внимание также на то, что именно на Кубене состояние песенной культуры оказалось крайне неудовле-

творительным и повторить напевы причитаний, аналогичные записям, выполненным в конце XIX века, уже не удалось.

Несмотря на все сложности собирательской работы, именно в Вологодской губернии Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым впервые были сделаны нотированные записи былинных текстов. В Тотемском уезде в селе Раменская Слобода (ныне село Раменье Тарногского района Вологодской области) была осуществлена уникальная запись былины с сюжетом «Илья Муромец и царь Куркас» (пример 3). Нотация С. М. Ляпунова остается единственным образцом напева былины, зафиксированным на территории Вологодчины. А. Л. Маслов, сотрудник московской Музыкальноэтнографической комиссии при Этнографическом отделе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, в рецензии на сборник «Песни русского народа» высоко оценил этот напев былины: «Один этот напев может быть ценнее для исследователя,

Пример 3. Полевая нотация С. М. Ляпунова (былина «Илья Муромец и царь Куркас») 86

чем большинство здесь же напечатанных протяжных» [Маслов, 1906, с. 520]. Сам С. М. Ляпунов отмечал *«совершенно новое содержание былины»* 87. В то же время речитативный характер мелодики, простота напева вызвали довольно сдержанную оценку композипростота напева вызвали довольно сдержанную оценку композитора, воспитанного в академических музыкальных традициях. Былина интересна «по тексту, а не по напеву» — указывал собиратель, опираясь на иные, чем А. Л. Маслов, критерии оценки, обусловленные эстетикой профессионального музыкального искусства. Такая позиция С. М. Ляпунова по отношению к записанному им материалу ничуть не преуменьшает безусловной значимости самого факта фиксации былинного напева. Своеобразие этого напева в исполнении А. И. Безвытного связано с «раскрепощенностью процесса повествования, не скованного какой-либо заданной структурой <...> При этом музыкальная интонация является буквальным "слепком" интонации речевой» [Лобкова, 2002, с. 152].

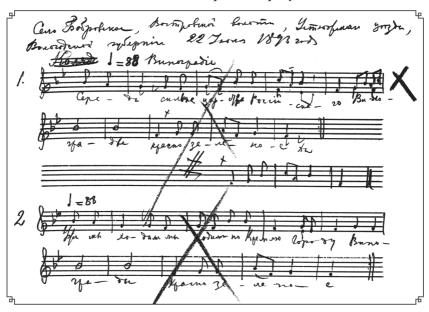
Большой интерес представляет и поэтический текст былины. Т. Г. Иванова отмечает, что данный текст развивает известный сюжет «Илья Муромец и Калин-царь». Его своеобразие, как считает

жет «Илья Муромец и Калин-царь». Его своеооразие, как считает исследователь, связано с тем, что на уровне образно-поэтического содержания возникает сплав поздних привнесений и архаических традиционных формул [Иванова, 2001, с. 131–132].

Очевидным достижением экспедиционной работы Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова стала запись былины «О Соколе-корабле» текст которой исполняется с напевом календарнообрядовой песни «Виноградье, красно-зеленое мое» [Лобкова, 2001, с. 443–449]. Запись была сделана в слободе Дымково около Великого Устюга от каменщика Ивана Федоровича Говорова, 62 лет. В том же уезде, в селе Бобровском Востровской волости собирателями было зафиксировано «Великое виноградье» — «Середи сильна цярства Россейсково!» (пример 4), которое пелось с текстом исторической песни о выкупе митрополита Филарета из плена [Песни русского народа ..., 1899, № 4, с. 49–51]. Важным плена [Песни русского народа ... , 1899, № 4, с. 49–51]. Важным является факт записи «виноградья» от мужского ансамбля: «пели крестьяне Ксенофонт Васильевич Перевалов, 44 лет, Афанасий Васильевич Перевалов, 53 лет, с 14 товарищами» [Там же, с. 269]. Записи святочных «виноградий», сделанные на Русском Севере, имеют большое значение, поэтому материалы экспедиции ИРГО 1893 года представляют чрезвычайную ценность

как одно из первых в истории музыкальной фольклористики

Пример 4. Полевые нотации С. М. Ляпунова (святочные «виноградья» «Середи сильна цярства Россейсково», «Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю городу») 90

свидетельств этой традиции [Бернштам, Лапин, 1981]. Ф. М. Истомину и С. М. Ляпунову удалось также зафиксировать важные этнографические данные о бытовании поздравительных песен во время святочных обходов дворов в Никольском и Устюжском уездах [Теплова, 2012, с. 98-107]. Об этом сообщается в отчете об экспедиции: «В Никольске колядуют теперь только мальчики, но в Устюжском уезде, по рассказам наших певцов, коляда в прежнее время была достоянием и взрослых людей. С Рождества до Крещенья, часу в восьмом вечера, собиралась толпа взрослых колядников, в городе и больших селах достигавшая иногда до 100 человек, и колядовала перед окнами домов, возя с собой на дровнях огромную звезду или вертеп, сооруженный из дерева и разноцветной слюды, освещаемой изнутри зажженною свечой» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 341]. Ф. М. Истомин сообщает также о последовательности исполнения святочных припевок и виноградий во время обхода дворов артелью колядующих.

Как показывают материалы экспедиционных исследований в Вологодской области еще в 90-х годах XX века традиция обхода дворов с рождественской звездой и пением «виноградья» была распространена в деревнях, расположенных по реке Сухоне (в том числе — в Великоустюгском и Нюксенском районах) [Лобкова, 2001, с. 445]. «Виноградье» из материалов Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова может быть соотнесено с записью, выполненной в 1989 году в той же деревне Бобровское Нюксенского района от женского ансамбля [Народная традиционная культура ..., 2005, № 9, с. 72–73]. В современном варианте исполнения «виноградье» имеет «упрощенный» скорый напев, близкий тому, который был записан С. М. Ляпуновым в слободе Дымково [Лобкова, 2001, с. 446–449].

Записи духовных стихов, сделанные С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым, связаны с территорией современного Тарногского района. Это духовные стихи «Вознесение Христово», «Алексей человек Божий» (пример 5), «Лазарь», которым прису-

Пример 5. Полевая нотация С. М. Ляпунова $(\partial y x o B + b u)^{92}$

ща сказительская манера исполнения. Духовные стихи, зафиксированные фольклорными экспедициями 1970–1980-х годов в Вологодской области, «свидетельствуют о сохранности <...> сказительского стиля музыкального повествования» [Лобкова, 2002, с. 160].

Среди вологодских материалов большой интерес вызывают лирические песни мужской традиции. В селе Бобровском и Погосте Маркушевском от мужских ансамблей, состав которых достигал 16 человек, были записаны лирические песни, принадлежащие к числу классических образцов мужской песенной традиции: «Уж ты поле мое, да поле цистое» 33; «Ах уж вы горы, вы горы» 44; «Как во й Астракане» 55, «Попридумал добрый молодец» Поэтические тексты и характерные напевы этих песен служат воплощением черт широко распространенных песенных типов, известных в фольклористике с наименованиями «Горы», «Поле», «Сын Стеньки Разина», «Отправлялся добрый молодец» [Народная традиционная культура Вологодской области..., 2005, с. 261].

Хороводные песни в записи С. М. Ляпунова представлены мелодически развитыми напевами. Краткие комментарии свидетельствуют о том, что собиратели зафиксировали образцы, которые входили в хороводный цикл, состоявший из определенного последования сюжетов:

- «Ай за тыном было за тыноцьком» «первый кружок (сборная)», из деревни Игумново Шевденецкой волости Тотемского уезда 98 ;
- «Ай за тыном-то ли было за тыно́цьком» «первый кружок», вариант предыдущего текста с другим напевом из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости Тотемского уезда⁹⁹;
- «Ах и во лузях» «как наберут», из деревни Игумново Шевденецкой волости Тотемского уезда $^{100}.$

Ряд сходных вариантов поэтических текстов и напевов хороводных песен, записанных экспедицией 1893 года, можно обнаружить и среди фольклорных материалов экспедиций 1970–1990-х годов в Вологодскую область 101.

Коллекция экспедиционных записей, отражающих особенности традиционной культуры Вологодской губернии, пополнялась и рукописными материалами. Так, в городе Красноборске Ильинской волости Сольвычегодского уезда местные жители

передали собирателям рукописные тексты, связанные со свадебным обрядом (приговоры), а также — с заговорной традицией. С. М. Ляпунов писал: «Вскоре местные жители проведали о целях нашего приезда и стали являться к нам с разными предложениями. Пришел фельдшер и принес найденный им рукописный свиток, который предложил взять безвозмездно. Крестьянин Борисов продал три свитка; кроме того, достали мы несколько списков заговоров, против килы, свадебных обрядовых (дружки)» 102.

Результаты работы в Вологодской губернии приводятся в разделе 10 «Дневника путешествия». Необходимо отметить, что первоначально С. М. Ляпунов обобщает полученные сведения сразу по окончании тотемского маршрута. Среди характерных особенностей, свойственных вологодской традиции, он выделил народный костюм, приемы землепашества, а также — благочестие и набожность крестьян 103. В разделе 10 «Вологодская губерния» собиратель более полно подводит итоги состоявшейся работы в обследованных волостях, скрупулезно сообщая об обстоятельствах экспедиционной деятельности, способах передвижения, преодоленных расстояниях, количестве музыкальных записей, а также дает оценку жанровому составу записанных песен и качеству материала в целом. С. М. Ляпунов отмечает, что протяжные песни представляют наибольшее число сделанных записей, но достоверность некоторых из них вызывает у автора записи сомнения. верность некоторых из них вызывает у автора записи сомнения. «Наиболее интересными, — по мнению собирателя, — являются свадебные песни и причеты, из которых первых и вторых записано по 16»¹⁰⁴. В дальнейшем, работая в Вятской и Костромской губерниях, С. М. Ляпунов также будет отмечать лучшую сохранность и значимость обрядовых жанров. Среди записей в Волоность и значимость обрядовых жанров. Среди записей в Вологодской губернии выделяются «единственная былина» и духовные стихи, представляющие «варианты известных стихов про Алексея человека Божия, Лазаря, Иоанна Златоуста» Подводя итоги, собиратель делится наблюдениями, связанными с географическим распространением песен разных жанров. Такого рода попытку можно расценивать как первый опыт ареального исследования: «По местностям песни можно распределить таким образом: протяжные песни одинаково распространены во всех уездах и везде одинаково заметно их вырождение; песни и причеты свадебные и причеты [похоронные] более встречались в Вологодском и Тотемском уездах, песни святочные и игровые записаны

преимущественно в Сольвычегодском, Никольском и в северной части Тотемского уездах. В Устюжском уезде записаны коляды и виноградие, а также разбойничьи (Бобровское)» 106 .

Экспедиционные материалы из Вятской губернии

Работа в Вятской губернии проходила с 6 августа 1893 года в 10 населенных пунктах. Общее число записанных песен Ф. М. Истомин определяет как 61 [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 340]. В целом, как в Вятской, так и в Костромской губерниях собирателям удалось зафиксировать значительно меньшее количество материала, чем в Вологодской. Причины связаны с коротким временем пребывания в двух последних губерниях и с ухудшающимися обстоятельствами работы: сложными погодными и дорожными условиями. Записи производились преимущественно в западной и центральной части Вятской губернии: в Чертищевской волости Нолинского уезда; в Киселевской волости Котельничского уезда; в Навалихинской волости, расположенной в северной части Орловского уезда; в Кстининской волости Вяткого уезда; в Вятке (запись от исполнительницы из Селезневской волости); в Ильинской волости Яранского уезда¹⁰⁷ [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 340].

Состояние певческой традиции, которое собиратели застали в Вятской губернии, представилось им еще более сложным, нежели в Вологодской. После встречи с певцами из д. Миклянур Вятского уезда на страницах «Дневника путешествия» Ляпунов сетует на отсутствие «старинных» песен: «...пели нам много песен, но ни одной не пришлось записывать, так как все песни современные <...> Для меня было ясно из массы примеров предшествовавших, что тут нет песен, и я даже осмеливаюсь предположить, что их и не было, так как нет никакой причины исчезнуть им здесь раньше, чем в других местностях, где кое-что еще сохранилось» 108.

Большое значение придавал С. М. Ляпунов записи лирической песни «Сторона моя», сделанной в селе Великорецком Вятской губернии. Она привлекла его внимание своей распевностью и большим диапазоном звучания. По мнению собирателя, она выгодно отличалась от прочих образцов этого жанра, так как носила характер старинной протяжной песни: «...один из крестьян пропел песню "Сторона моя" за которую я ухватился как за драгоценный вклад нашего сборника. Такой цельно сохранившейся песни

еще у нас не было»¹¹⁰. Вместе с тем, композитора не удовлетворило повторное исполнение этой же песни другим певцом, которое он счел искаженным: «...я тут же успел проследить самый процесс искажения песни, заставив другого пропеть ту же песню»¹¹¹. Искажение, по мнению Ляпунова, состояло в том, что певец прибегал к «ненужному повторению одного и того же слова в тех местах, где следовало протягивать один слог; это придавало песне подвижность, облегчало пение, и вместо протяжной она делалась похожею на современную "частушку", как называют в народе новейшие песни» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 353].

Причиной упадка песенного творчества в Вятской губернии,

Причиной упадка песенного творчества в Вятской губернии, по мнению С. М. Ляпунова, является повсеместное распространение новых песен. После записи в селе Великорецком он оставил такое замечание в «Дневнике путешествия»: «Благодаря появлению новых песен, частушек, явилось стремление всякую старую песню подвести под более скорый ритм, вследствие чего так трудно теперь найти сохранившуюся в чистоте протяжную песню»¹¹².

перь найти сохранившуюся в чистоте протяжную песню»¹¹².

Среди 29 записей лирических песен, сделанных в Вятской губернии, по определению Ф. М. Истомина — 24 «бытовых» и 5 «вочиских». В сборнике «Песни русского народа» было опубликовано лишь 10. Большая часть (а именно 7 напевов из числа вошедших в публикацию) представляют мужскую исполнительскую традицию (в составе ансамбля — до четырех певцов). Это лирические песни «Не во полюшке есть погодушка» (село Кстининское Кстининской волости Котельничского уезда)¹¹³, «Ой да в караводичке был я на лужку» (село Макарьевское Киселевской волости Котельничского уезда)¹¹⁴, «Ой уж вы луги мои, луги зеленые» (деревня Шебаховская Чертищевской волости Нолинского уезда)¹¹⁵; «Подуй, подуй, погодушка»¹¹⁶, «Садовая во поле черемушка»¹¹⁷, «Ох вы, вздохи мои, вздохи»¹¹⁸, «Сторона моя, да сторонка»¹¹⁹ (село Великорецкое Навалихинской волости Орловского уезда).

Материалы экспедиции, связанные с вятской хореографической традицией, в сборнике «Песни русского народа» представлены 4 образцами, среди которых — три плясовые песни, помещенные в разделе «рождественские» 120.

Изучая песенные традиции Вятской губернии, С. М. Ляпунов вновь убеждается в устойчивости и сохранности обрядовых жанров музыкального фольклора. Работая в Нолинском уезде, он отмечает: «...мы более желали пригласить женщин как хранитель-

ниц свадебных обрядовых песен» 121. В Вятской губернии собиратели сделали записи только 17 свадебных песен. Это почти в три раза меньше, чем было зафиксировано в Вологодской губернии. Несмотря на ограниченное число нотаций, этот материал имеет важное научное значение. Сравнение с современными публикациями 122 позволяет сделать вывод о типологической устойчивости ряда свадебных напевов в записи 1893 года: «Я не знала, не ведала, ко мне сваха наехала» 123, «А ты ласточка, ласточка, ты сизая косаточка, не во время вылетывала» 124 «Ах, не было ветру, вдруг навинуло» 125.

В вятской экспедиционной коллекции отсутствуют образцы причитаний. Ф. М. Истомин комментировал это обстоятельство следующим образом: «Что касается до Вятской губернии, то в посещенных нами местах ее вместе с утратою многих подробностей старинного свадебного обряда, исчезли, по-видимому, и причитания» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 342]. Собиратель считает, что отсутствие причитаний можно объяснить также и значительной ролью свадебного дружки в ритуале свадьбы. Дружки, которые произносят «свои бесконечные иногда стихи», пользуются громкой известностью даже за пределами своей волости. По мере того, как уменьшалось количество причетниц, особое значение в свадебном обряде приобретал дружка. Ф. М. Истомин приходит к выводу о том, что «при отсутствии причетниц в посещенных нами местностях Вятской губернии, как бы взамен их, нередко выступали дружки» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 343]. На свадебные приговоры дружек в вятской традиции обращал внимание и Д. К. Зеленин, опубликовавший тексты приговоров в записях из Яранского уезда в 1903 году [Зеленин, 1998, с. 329–335]. Современные экспедиционные материалы также содержат записи развернутых текстов приговоров свадебных дружек, регулирующих ход ритуала¹²⁶. Записи причитаний, выполненные в Кировской области в XX веке, малочисленны¹²⁷.

Целенаправленные поиски в экспедиции 1893 года исполнителей духовных стихов, сведения о «сунских нищих», полученные в Нолинском уезде, привели собирателей к Федору Васильевичу Михееву, 45 лет, слепому, знатоку духовных стихов из деревни Печенкино Ильинской волости Яранского уезда. С ним состоялись две встречи, которые С. М. Ляпунов описывает в «Дневнике путешествия»: «...он знает очень много стихов, между которыми нашлись совсем неизвестные: "Кирик и Улита" и "Архангел

Михаил". Вследствие позднего времени мы прослушали в этот вечер только первый стих и записали его, а ради прочих решили отложить до вечера назначенный утром 20 августа отъезд и съездить вместо того в Печенкино, чтобы записать от слепого все, что он знает» 128 .

Продолжение работы с Ф. В. Михеевым и его женой, состоявшееся на следующий день, принесло новые записи духовных стихов: «Слепой и жена его уселись на лавочку рядом и стали петь; начали со стиха "Архангел Михаил", как еще неизвестного, потом про "Егория Храброго". Оба эти стиха были пропеты целиком, что заняло около двух часов времени. После передышки просили его спеть часть стихов про "Алексея человека Божия" и про "Лазаря", так как эти [стихи. — И. Т.] были уже записаны нами в Тотемском уезде, и нам хотелось только проследить разницу текста и напева» 129 (Пример 6).

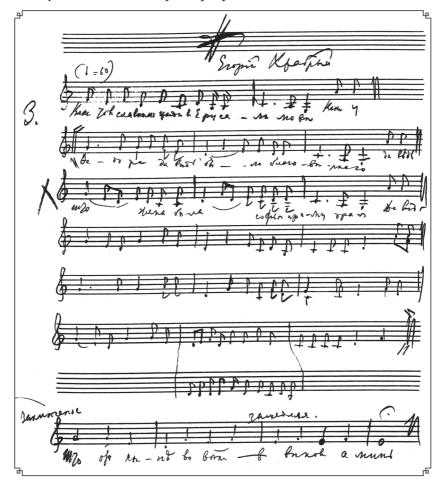
В деревне Печенкино Ильинской волости Яранского уезда Ф. М. Истоминым и С. М. Ляпуновым были записаны 5 текстов и напевов духовных стихов. Все образцы стихов имеют большую научную ценность. Повторить эти записи собирателям последующих поколений уже не удалось. В XX веке традиция исполнения духовных стихов в Кировской области (бывшей Вятской губернии) была практически утрачена¹³⁰.

Стихи «Егорий Храбрый» ¹³¹, «Кирик и Улита» ¹³² имеют необычные для этого жанра, развернутые в мелодическом отношении напевы. Поражает полнота и протяженность поэтических текстов. В то же время тексты таких духовных стихов, как «Алексей человек Божий» ¹³³, «Лазарь» ¹³⁴, Ф. М. Истоминым были записаны не полностью. Как указано в «Дневнике путешествия», выпущенными оказались фрагменты, которые были известны собирателю по вариантам фиксации этих стихов в Вологодской губернии. Возможно, своеобразие вятских духовных стихов можно объяснить традициями старообрядчества, распространенными на территории губернии.

Обращает на себя внимание также следующее замечание

Обращает на себя внимание также следующее замечание Ф. М. Истомина: «В некоторых местностях Вятской губернии женщины, утратив песенную старину и не удовлетворяясь современным характером песни, обращаются к особого рода духовным песнопениям, почерпая их из Сборника Стефана¹³⁵» [Отчет об экспедиции ..., 1899, с. 367].

Пример 6. Полевая нотация С. М. Ляпунова (духовный стих «Егорий Храбрый»)¹³⁶

Экспедиционные материалы из Костромской губернии

С 26 августа 1893 года собиратели начали обследование Костромской губернии, где им удалось побывать в шести населенных пунктах шести волостей пяти уездов. Записи производились в Тонкинской и Туранской волостях Варнавинского уезда; Новоуспенской волости Ветлужского уезда; Онуфринской волости

Кологривского уезда; Семеновской волости Кинешемского уезда; Верхне-Нейской волости Макарьевского уезда. 8 сентября собиратели прибыли в Кострому, где экспедиция была завершена.

В Костромской губернии было записано 62 образца музыкаль-

В Костромской губернии было записано 62 образца музыкального фольклора, из которых отобраны для публикации 33. Среди них — два свадебных причитания, 20 свадебных песен (из них — 2 поэтических текста без напевов), семь лирических «протяжных», «проголосных» песен (по определению Ф. М. Истомина), а также две приуроченные лирические песни, две хороводные.

По свидетельству Ф. М. Истомина, причитания записывались от пожилых женщин-причетниц, очень редких уже в Костромской губернии, причем «костромские причетницы причитают только на один голос, т. е. у каждой из них для всех случаев имеется только один напев» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 342]. В сборнике «Песни русского народа» приводятся два образца свадебных причитаний: «Ой да ишше штё-то я да призаду(малась)» — «как просватают» (из деревни Шемякино Кологривского уезда)¹³⁷ и «А вы роздайтесь-ко ся, да добры люди» — «как к венцу поведут» (из села Семеновское-Лапотное Семеновской волости Кинешемского уезда)¹³⁸. Напевы демонстрируют разнообразие форм костромуезда)¹³⁸. Напевы демонстрируют разнообразие форм костромской причетной традиции и ее стилевую связь с севернорусскими традициями. Ф. М. Истомин приводит диалектное наименование этого жанра, общее для костромской и вологодской территорий — «прицеты» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 342].

В отчете об экспедиции содержатся наблюдения о костромских хороводных песнях: «...хороводные песни называются круговыми или ве́шными; есть и святошные или беседные, распеваемые на вечеринках» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 344]. Для публикации собирателями были отобраны только два образца песен, свядии соопрателями обли отоораны только два ооразца песен, связанных с хореографическим движением: «Пошел молодец на гулянье» (из деревни Шемякино Онуфриевской волости Кологривского уезда)¹³⁹; игровой хоровод общерусского распространения «Со вьюном я хожу» (из деревни Сосновка Туранской волости Варнавинского уезда)¹⁴⁰.

В селе Черном Тонкинской волости Варнавинского уезда С. М. Ляпунов описывает свои музыкальные впечатления, связанные с пением крестьян-раскольников и православных. Необычное звучание народных песен для слуха музыканта, воспитанного на образцах академической музыки, порой, вызывало

удивление С. М. Ляпунова. Композитор обратил также внимание на различие напевов. По мнению музыканта, пение православных крестьян выгодно отличалось от остальных «разнообразием напевов»: «Сначала пели мужики, но все их песни пелись на один и тот же напев, что потом они сами нам объяснили, говоря, что так поются все старые песни. После них пели девушки вешние песни, но опять на один и тот же напев, наконец, пришли старухи причитать (выть), но разобрать из этого вытья ничего не было возможно; ясно было только, что мелодии нет, как в Вологодской области. После этих неудачных записей песен, нам предложили послушать православных певиц, и у этих оказалось разнообразие в пении; они пропели нам несколько свадебных песен» 141. В селе Черном от православных крестьян было записано две свадебные песни: «Ты рябина ли, рябинушка — «на сговорах» 142; «Не было ветру» — «на смотреньи» 143.

обширный песенный материал был зафиксирован в селе Новоуспенском (Холкино) Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии — 6 свадебных, 2 лирические песни. Внимание С. М. Ляпунова привлекли песни, приуроченные к календарно-обрядовому периоду и времени полевых работ: лирические «Ох, детинка ли, детинка молодой» — «масленичная» 144; «Ты хозяин наш, ты хозяин» — «помочанская» 145. Судя по комментариям к исполнению, составленным Ф. М. Истоминым, можно предположить, что все песни исполнялись смешанным составом ансамбля. Так, в селе Новоуспенском (Холкино) свадебные, лирические и хороводные песни были записаны от следующего состава исполнителей: Авд[отья] Гавр[иловна] Сперанская, 34 лет, Параск[овья] Иван[овна] Троицкая, 51 года, Прокоп[ий] Ефим[ович] Голубев, 57 лет, Фед[ор] Арк[адьевич] Цветков, 61 года, Григ[орий] Ив[анович] лет, Фед[ор] Арк[адьевич] Цветков, 61 года, Григ[орий] Ив[анович] Шкельдин, 55 лет. Среди лирических песен, записанных в селе Новоуспенском (Холкино), выделяется «Ты зоря-ли моя, зоря» 146, принадлежащая к пласту классической мужской лирики, известная в традиции Русского Севера. Большой интерес представляют также свадебные песни: «Перепелочка, пташечка» — «на сговорах» 147; «Как при вечере, вечере» — «на девишнике» 148; «У ворот, у воротичек» — после венца 149; «В огороде трава зеленым зелена» — «новобрачным» 150. Заметим, что в известных публикациях фольклора Костромской области отсутствуют поэтические тексты и мелодические варианты напевов, записанные в экспедиции 1893 года¹⁵¹.

В деревне Никола-Торжок Костромской губернии собиратели наблюдали результаты влияния на крестьянскую традицию новой эстетики города, проявившегося в костюме, лексиконе жителей: «По своей внешности певцы не внушали приятных не жителей: «По своей внешности певцы не внушали приятных надежд: костюм городской, мужики рассуждают о том, что надо записать "матиф", что все было за "женским персоналом", а девушки считают себя барышнями, а в парнях видят "кавалеров". Собрание песенного материала тут было небогатое: две-три свад[ебных] песни, причем большинство их поется на один напев, и еще кое-каких протяжных» 152. В составе певших С. М. Ляпунову и Ф. М. Истомину были исполнительницы разного возраста: «крестьянка Фекла Андр[еевна] Веселова, 69 лет, с девицами Ласкиной, Смирновой, Шиловой и Оникиной, от 15 до 20 лет». Возможно, именно этих девиц, «от 15 до 20 лет», считавших себя «барышнями» и в парнях видевших «кавалеров», и имел в виду композитор. Замечание С. М. Ляпунова о пении свадебных песен «на один голос» касается традиционных особенностей бытования обрядовых напевов. В деревне Никола-Торжок было записано 3 самостоятельных напева свадебных песен: «При последнем было вечере» — «на девичнике» ¹⁵³, «Уж как во лузях» — «во время красного стола» ¹⁵⁴, а также напев «Исполать же, подруженька» ¹⁵⁵, звучащий «на сговорах», который является политекстовым и исполняется еще с тремя текстами: «Уж вы симена, симена» ¹⁵⁶, «Залетал-то ясен сокол» ¹⁵⁷, «Как на речке на быстрои» 158.

Комментируя в отчете об экспедиции особенности терминологии народных исполнителей, определяющих напев песни, Ф. М. Истомин приводит характерное для Костромской губернии выражение «в голосянку». По его наблюдению слово «голос» соответствует понятию «напев»: «Все песни у нас на "один голос", т. е. на один напев» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 345].

Собрание духовных стихов во время работы экспедиции Песенной комиссии в Костромской губернии пополнилось еще одним, костромским вариантом сюжета «Лазарь», записанным в деревне Шемякино Онуфриевской волости Кологривского уезда. Ф. М. Истомин отметил общность наименований этого жанра в Вологодской и Костромской губерниях: «...этот род песнопения носит название стихов» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 344].

Записи инструментальной музыки в материалах экспедиции

Предметом особого и постоянного внимания С. М. Ляпунова на протяжении всего маршрута следования экспедиции были колокольные звоны соборов Вологды, Тотьмы, Устюга, Сольвычегодска. В Великом Устюге композитор много времени посвятил изучению колоколов и колокольных звонов Успенской церкви:

В Великом Устюге композитор много времени посвятил изучению колоколов и колокольных звонов Успенской церкви: «16 июля вечером мы ходили осматривать соборную колокольню. В ней 20 колоколов, самый большой в 1054 пуда имеет густой звук, в котором ясно слышны три тона <u>d</u>, <u>f</u>, <u>g</u>. По богатству колоколов можно предположить, что тут существовали различные звоны, но в настоящее время звонари молодые, звонят плохо и на один лад; колокола разрознены и вероятно заменены другими; есть намек на существование гаммы. <...> Сняв план и определив тоны колоколов, я решил дождаться звона за всенощной или воскресной обедней, чтобы записать самые звоны» 159. В архиве С. М. Ляпунова сохранился зарисованный им план расположения колоколов соборной колокольни в Великом Устюге с указанием настройки колоколов 160.

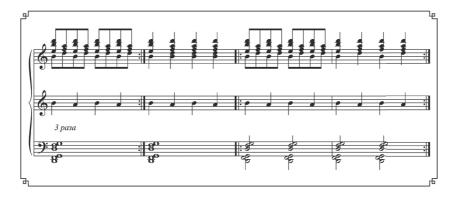
Критически отнесся собиратель к строю колоколов соборной колокольни Строгановского собора в Сольвычегодске: «В ней 10 колоколов и самый большой около 170 пудов, колокола по строю не подобраны, есть один со шведскою надписью, по всей вероятности, взятый Петром I при Нарве» 161.

Колокольный звон, услышанный в Великом Устюге (пример 7), вдохновил композитора на создание этюда «Трезвон», № 3 (1901) из цикла «12 этюдов высшей трудности», ор. 11 (пример 8). Одним из достижений экспедиции можно считать запись

Одним из достижений экспедиции можно считать запись образцов инструментальной музыки: пастушеского наигрыша на рожке, а также наигрышей на гуслях («кысле») и волынке («шибёр»), исполненных черемисами. Ляпуновым были выполнены описания инструментов, зафиксирован строй.

Пастушеские наигрыши на рожках собиратели услышали в Нижней Тойме Сольвычегодского уезда: «Между прочим, приехавши в эту деревню, я встретил пастуха с рожком, который наигрывал очень оригинальную мелодию. Рожок этот делается самими пастухами из дерева и обвивается берестою» 162. Более детально устойство рожка описано в отчете об экспедиции: «Рожок есть собственноручное произведение пастуха и состоит из двух прямых деревянных желобов, связанных вместе

Пример 7. Нотация колокольного звона Успенского собора, выполненная С. М. Ляпуновым в Великом Устюге 163

Пример 8. С. М. Ляпунов. Этюд «Трезвон» (фрагмент), ор. 11, № 3

берестой; к одному концу прикреплен раструб, выдолбленный из цельного дерева. По бокам сделано 6 дырочек, соответствующих шести тонам в порядке гаммы. Для каждого инструмента пастухом сочиняется свой "наигрыш". Один такой "наигрыш" мною записан и представляет своеобразную, красивую мелодию» [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 354].

Нотация пастушеского наигрыша была выполнена С. М. Ляпуновым во время работы в Сольвычегодском уезде Вологодской губернии от пастуха, пришедшего из Шенкурска Архангельской губернии. Композитор отмечал: «Каждый пастух наигрывает свою мелодию. От одного из них я записал мелодии и приобрел рожок» 164 . Местонахождение музыкального инструмента остается неизвестным. Нотация сохранилась в Записной книжке № 12^{165} . Этот образец рожечного наигрыша представляет собой одно из наиболее ранних свидетельств пастушеской инструментальной традиции этого региона.

По инициативе С. М. Ляпунова в селе Кикнур Яранского уезда Вятской губернии произошла встреча с черемисскими музыкантами, играющими на гуслях («кысле») и волынке («шибёр»). Черемисы с музыкальными инструментами запечатлены на фотографии, выполненной собирателями (фото 1).

Фото 1. Черемисы-музыканты. Фрагмент фотографии «Черемисская деревня близ станции Кикнур» 166

Черемисские музыкальные инструменты вызвали интерес у собирателей, потребовали дополнительных расспросов, касающихся производства инструментов. В «Дневнике путешествия» С. М. Ляпунов оставил следующее описание гуслей и способа игры на них: «Гусли в Кикнуре не местного производства, а привозные из Казанской губернии и приобретаются приблизительно по 60 коп[еек]. Они имеют форму трехугольного деревянного ящика, на котором натянуты струны различной длины. Играют прямо руками, задевая струны, как на арфе, положив гусли к себе на колени» В отчете об экспедиции Ляпунов уточняет, что гусли имели «кишечные» струны разной длины [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 354]. Нотации гусельных наигрышей и строя гуслей находятся в Записной книжке № 7¹⁶⁸. Ляпуновым была отмечена простота инструментальных наигрышей, что вполне отвечает действительности, так как инструментальное сопровождение плясового движения и не предполагало развернутой музыкальной формы.

Фото 2. Федосья Михайловна Шибаева, 1936 г. р., с марийскими гуслями, деревня Ваштранга Кикнурского района Кировской области¹⁶⁹

Записи инструментальной музыки, выполненные в конце XIX века Ляпуновым, имеют важное научное значение как материал для сравнительного изучения. Экспедиционные исследования, проводимые Санкт-Петербургской государственной консерваторией в Яранском и Кикнурском районах Кировской области в 2010, 2012 годах, подтвердили распространение на этой территории шлемовидных гуслей (фото 2, 3). Инструмент именно такого типа зафиксирован на фотографии, выполненной в экспедиции Песенной комиссии ИРГО в конце XIX века (фото 1).

При сравнении кратких черновых нотаций гусельного наигрыша, выполненных С. М. Ляпуновым, с современными экспедиционными материалами, записанными от жительницы города Яранска Александры Федоровны Соколовой (фото 3), 1933 года

Фото 3. Исполнительница на марийских гуслях – Александра Федоровна Соколова, 1933 г. р., город Яранск Кировской области¹⁷⁰

рождения, выявляется целый ряд аналогий. Так, практически совпадает звукоряд настройки инструмента (в основе — диатонический звукоряд с пропущенной VII ступенью). Близкими оказываются приемы игры и структурные закономерности наигрыша. Отметим также, что образец нотации наигрыша из Записной книжки № 7 С. М. Ляпунова, названного им «Плясовая» 171, может быть соотнесен с наигрышем «Санчуринка», зафиксированным в экспедиции в 2010 году.

в экспедиции в 2010 году.

В «Дневнике путешествия» С. М. Ляпунов оставил подробное описание черемисской волынки — "шибёр": «По устройству своему пузырь напоминает волынку: две деревянные трубочки, в которые с одной стороны вложены жестяные пластинки с дырочками, оканчиваются одним общим раструбом, сделанным из рога. К верхнему концу их приспособлен бычий пузырь, который надувается тоненькой костяной трубочкой. Звуки довольно дики и пронзительны» 172. Традиция игры на «пузыре» в традиции

Фото 4. На волынке играет марийский музыкант Иван Васильевич Чернов, 1928 г. р., деревня Нижний Унур Уржумского района Кировской области¹⁷³

народа мари сохранилась до нашего времени (фото 4). Спустя более, чем сто лет, в фольклорной экспедиции Санкт-Петер-бургской консерватории 2009 года в Уржумский район Кировской области было зафиксировано бытование марийского инструмента, именуемого «шувырь», записаны инструментальные наигрыши [Лобкова, Шейченко, 2012, с. 36–42].

В «Дневнике путешествия» собиратель не упоминает активно распространяющуюся в деревне на рубеже XIX и XX веков традицию игры на гармони. Характеристика этого инструмента предлагается в отчете об экспедиции [Отчет об экспедиции ..., 1894, с. 353]. С гармонью композитор связывает процесс упадка «народного музыкального вкуса и творчества», с критикой относясь к «сомнительной интонации», к однообразному, по мнению собирателя, гармоническому сопровождению, состоящему «исключительно в чередовании мажорной тоники и доминанты» [Там же]. С. М. Ляпунов негативно оценивает популярность инструмента в крестьянской среде, так как, по его представлению, гармонь не встречает «противодействия в кое-где сохранившихся остатках народной инструментальной музыки» [Там же].

Материалы северных экспедиций Песенной комиссии ИРГО в произведениях С. М. Ляпунова

В 1897 году Ляпунов вошел в состав Комиссии для составления и издания сборников русских народных песен из числа собранных песенными экспедициями ИРГО (наряду с М. А. Балакиревым, А. К. Лядовым, И. В. Некрасовым и А. А. Петровым), организованной по инициативе и под председательством Т. И. Филиппова «для распространения <...> среди певцов-художников и любителей, среди войск, а также в попечительствах о народной трезвости и школах» [50 песен русского народа ..., 1901, с. III]. Композитор принял самое активное участие в этой работе.

вым), организованной по инициативе и под председательством Т. И. Филиппова «для распространения <...> среди певцов-художников и любителей, среди войск, а также в попечительствах о народной трезвости и школах» [50 песен русского народа ..., 1901, с. III]. Композитор принял самое активное участие в этой работе. Итогом почти двадцатилетнего труда в области собирания, изучения и художественного освоения песенного наследия стали обработки Ляпунова, которые отличает тонкое проникновение в мелодический строй народной песенности: «Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано» [1900] и «35 песен русского народа для одного голоса с сопровождением

фортепиано из собранных в 1893 г. С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым» [1901]. Композитор переложил 65 песен для голоса с фортепиано (48 образцов представляют собой его собственные экспедиционные записи 1893 года; 8 напевов — из числа нотированных им в разное время в разных местностях; 9 напевов взяты из сборника «Песни русского народа» Г. О. Дютша и Ф. М. Истомина).

Страницы жизни С. М. Ляпунова как исследователя и собирателя музыкального фольклора непосредственно связаны с его композиторским творчеством¹⁷⁴. Подчеркнутое внимание к музыкальному и образному строю народной музыки нашло отражение в «Торжественной увертюре на русские темы» ор. 7 (1896). Тематическую основу увертюры составили три напева, зафиксированные в северных экспедициях: начальные интонации хоророванные в северных экспедициях: начальные интонации хороводной песни «Мы пшону сеяли», записанной в 1893 году в городе Красноборске Сольвычегодского уезда Вологодской губернии, и два свадебных напева из записей 1886 г. Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша: «Пивна ягода по сахару плыла» и «Ты река ль моя, реченька». В основу двух фортепианных этюдов из цикла «12 этюдов высшей трудности» (ор. 11) легли нотации, выполненные композитором в экспедиции 1893 года. Колокольный звон, услышанный в Великом Устюге, вдохновил композитора на создание этюда «Колокола», № 3 (1901). Интонации лирической песни «Из-за лесу-то, лесу темного» в записи из села Новоуспен-

песни «Из-за лесу-то, лесу темного» в записи из села новоуспенского Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии были использованы в этюде «Былина», № 8 (1903).

Разнообразный экспедиционный фольклорный материал нашел отражение в циклах «Пять квартетов для мужских голосов без сопровождения на народные темы» (ор. 47 и ор. 48). Образы, навеянные живописными рассказами о святочных обходах дворов мужскими артелями, впечатления от звучания святочного «виномужскими артелями, впечатления от звучания святочного «виноградья» «Уж мы ходим, мы ходим по Кремлю городу», записанного в Великом Устюге (слобода Дымково)¹⁷⁵, воплотились в квартете «Малое виноградье (коляда)» (ор. 47, № 1). Музыкальный образ лирической песни «А да как вились, вились у молодца кудри»¹⁷⁶ из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской области был переосмыслен композитором в «Протяжной» (ор. 47, № 2). Еще одна лирическая песня «Ваня-клюшничек» («У того то ли было у князя, у Волконскаго») 177 из села Новленского Новленской волости Вологодского уезда и губернии была обработана Ляпуновым в произведении «Ваня-клюшничек» (ор. 47, № 3).

В состав следующего цикла обработок для квартета для мужских голосов (ор. 48) композитор включил две песни из материалов экспедиции 1893 года и три — из материалов экспедиции 1886 года. Это «святочная» хороводная песня «На горе стоит верьба» 178 (нотация выполнена в городе Красноборске Сольвычегодского уезда Вологодской области), использованная в обработке «Святочная» (ор. 48, № 3); хороводная песня «Ой, пошел круг города царев сын» 179 (запись напева сделана в Погосте Маркушевском Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии), вошедшая в «Плясовую» (ор. 48, № 2); старина «Птицы и звери» («Отчего у нас зима да становилася») из Космозерского погоста Петрозаводского уезда Олонецкой губернии 180, ставшая основой квартета «О птицах» (ор. 48, № 1); былина «Никита Романович» (деревня Оятевщина Петрозаводского уезда Олонецкой губернии) 181, претворенная в «Былине про Ивана Васильевича Грознаго» (ор. 48, № 4).

В 1902 году для концертной части Всероссийской кустарнопромышленной выставки, в организации которой принимало деятельное участие ИРГО, С. М. Ляпунов подготовил обработки двух песен для смешанного хора а cappella: «Протяжная» («Во лесах-то ли было»), «Святочная» («На горе стоит верба») [Русские народные песни, ор. 15, 1902].

В Сонатине для фортепиано (ор. 65) прослеживаются интонации песни «Ой да, я бегу, бегу по поженке» («ивановская») в записи из деревни Башевской (Салтыковской) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии¹⁸².

В основу «Вариаций на русскую тему для фортепиано», ор. 49 (1912), легла хороводная песня «По морю, морю синему» из материалов экспедиции Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша 1886 года. Интонации духовного стиха «Сон Богородицы» использованы в кантате «Вечерняя песнь» (ор. 68).

Творческая деятельность Ляпунова-композитора, создавше-

Творческая деятельность Ляпунова-композитора, создавшего обработки народных песен для голоса с фортепиано, квартета мужских голосов, для хорового состава, использовавшего фольклорный материал в фортепианных, симфонических произведениях, стала важнейшим результатом экспедиционных поездок. К народной песне С. М. Ляпунов относился в большей степени как к явлению музыкального искусства, хотя его представления о народной музыке и опыт ее восприятия далеко выходили за пределы только лишь композиторского интереса.

Нельзя не согласиться с мнением А. С. Ляпуновой, которая высоко оценивала деятельность своего отца как собирателя фольклора. А. С. Ляпунова писала: «Несмотря на известную тенденциозность подхода в собирании и записи, обусловленную общими установками Песенной комиссии ИРГО, а отчасти и личными воззрениями, Ляпунов сделал немало для сохранения русской народной песни и инструментальной музыки, так как основным критерием отбора для него оставался всегда тонкий слух композитора и строгий вкус музыканта» [Ляпунова, 1963, с. 10–11]. Восприятие песенного материала оказалось для Ляпунова-композитора сложным творческим процессом. Первоначально освоение С. М. Ляпуновым музыкального материала происходило непосредственно в ситуации общения с народными исполнителями. Результатом этой деятельности стали нотации народных песен, выполненные в поледеятельности стали нотации народных песен, выполненные в полевых условия. Представить, как протекал процесс нотации, можно на основе изучения сохранившихся рукописей «Записных книжек» композитора. Аналитические наблюдения С. М. Ляпунова над экс-

композитора. Аналитические наблюдения С. М. Ляпунова над экспедиционными материалами продолжались и при подготовке к изданию сборника «Песни русского народа» (1899), когда осуществлялся отбор песен и происходил поиск формы их публикации.

Участвуя в 1911 году в Международном музыкальном конгрессе в Риме с докладом, посвященным развитию русской национальной музыкальной школы, С. М. Ляпунов высоко оценивал значение деятельности Песенной комиссии ИРГО по сохранению народной музыки и, в частности, отмечал важную роль изданных к тому времени песенных сборников.

С. М. Ляпунов, как и многие другие собиратели фольклора конца XIX века, давал негативную оценку сохранности и состоянию фольклорной традиции. С позиций современного научного знания такая точка зрения кажется несколько преувеличенной. На протяжении всего XX века собиратели фольклора продолжали фиксировать образцы крестьянской культурной традиции, несмотря на пессимистические прогнозы исследователей прошлого. Большое беспокойство у С. М. Ляпунова и Ф. М. Истомина вызывало влияние новой культурной эстетики городской среды, ощущаемое в меняющейся музыкальной интонации крестьянской песни. Наблюдения С. М. Ляпунова над распространением гармони в крестьянской среде, увлечением плясовыми частушками привели к выводу об утрате народной музыкальной традиции.

ской среде, увлечением плясовыми частушками привели к выводу об утрате народной музыкальной традиции.

Рубеж веков отмечает начало процесса формирования новой эпохи отношения к народной песне как к объекту научного знания, и С. М. Ляпунов принимает самое непосредственное участие в этом процессе, работая в Песенной комиссии ИРГО, а также занимаясь преподавательской деятельностью. Композитор обдумывал идею создания серии работ о русской подголосочной полифонии «как самостоятельной области музыкально-теоретической науки» [Онегина, 2011, с. 209]. Однако этому замыслу не суждено было осуществиться. В последние годы жизни С. М. Ляпунов обобщил свои наблюдения над русской песней в курсе лекций, прочитанных им в Институте истории искусств в Петрограде в 1921–1922 годах [Ляпунова, 1963, с. 5].

Фольклорный материал, записанный С. М. Ляпуновым, име-

Фольклорный материал, записанный С. М. Ляпуновым, имеет важное художественное и научное значение для современных исследований. Изучение его в контексте записей фольклора, выполненных в XX–XXI вв., позволяет осуществить наблюдения над исторической динамикой культурной традиции, а также дать объективную научную оценку значению слуховых нотаций фольклора, сделанных уже более 130 леттому назад. К числу значительных событий в истории русской музыкальной фольклористики, связанных с маштабными полевыми исследованиями песенных традиций Русского Севера в 1886 и 1893 годах, следует отнести первые научные экспедиции с участием Ф. М. Истомина, Г. О. Дютша, С. М. Ляпунова, издания Песеннной комиссией ИРГО текстов и напевов, записанных непосредственно от народных исполнителей. С этого момента начинается период целенаправленного формировании фактологической базы науки. «Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую, Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами» занимает особое место в истории отечественной музыкальной фольклористики — значительная его часть посвящена крестьянской России, в которую С. М. Ляпунов вглядывается с вниманием и любовью как русский музыкант и как гражданин своего Отечества.

Автор благодарит хранителя музыкальных фондов Н. В. Рамазанову и сотрудников Отдела рукописей РНБ за поддержку в работе с рукописью. При подготовке к изданию большую помощь в редактировании рукописи, составлении и проверке примечаний, в работе с иллюстрациями, оказали сотрудники Фольклорно-этнографического центра имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова С. В. Булкин, М. С. Голубева, Е. С. Черменина, Г. Н. Щупак.

И.Б. Теплова

Примечания

- 1 [Ляпунов С. М. Воспоминания] // ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 83 об.
- ² С. М. Ляпунов родился 30.11.1859 в Ярославле. Ушел из жизни 8.11.1924 в Париже, похоронен на кладбище Батиньоль.
- ³ На отношение к творческому наследию С. М. Ляпунова в советское время, возможно, повлиял тот факт, что, выехав на гастроли в Германию и Францию в 1923 году, он уже не вернулся в Россию (композитор скончался в результате сердечного приступа). Долгие годы музыка композитора-эмигранта не исполнялась.
- 4 [Ляпунова, 1961; Ляпунова, 1963; Шифман, 1960; Онегина, 2011].
- 5 Анастасия Сергеевна Ляпунова (1903–1973) дочь С. М. Ляпунова, музыковед, кандидат искусствоведения (1946). Первоначальное музыкальное образование получила под руководством отца С. М. Ляпунова. Окончила историко-теоретический факультет Ленинградской консерватории (1931). В 1938–1940 годах заведующая рукописным отделом библиотеки Ленинградской консерватории, в 1940–1963 годах сотрудник отдела рукописей, главный библиотекарь Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Автор источниковедческих и текстологических исследований, биографических статей, библиографических обзоров и публикаций [Рамазанова, 1999, с. 6–15].
- 6 Фольклорные материалы легли в основу целого ряда произведений С. М. Ляпунова: см. раздел «Материалы северных экспедиций Песенной комиссии ИРГО в произведениях С. М. Ляпунова».

- 7 Фёдор Михайлович Истомин (1856–1925) русский этнограф. Закончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1883 года являлся секретарем этнографического отдела ИРГО. Участвовал в этнографических экспедициях по Архангельской губернии в 1884 году; в 1889 и 1890 годах (Печорский край), в 1886 и 1893 годах в экспедициях Песенной комиссии ИРГО [Русская мысль о музыкальном фольклоре ..., 1979, с. 234)].
- 8 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 7.
- 9 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 9.
- 10 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 10.
- 11 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 11.
- 12 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 12.
- 13 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404.
- $^{14}~$ ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Автограф. В дальнейшем «Дневник путешествия».
- 15 Жанр дневника путешествия получил широкое распространение в Европе и России в XVIII–XIX вв. Путевые записки были типичным занятием многих путешествующих, среди которых можно назвать Льюиса Кэррола, П. С. Шереметева, Е. Э. Линеву и многих других [Кэррол, 2014; Шереметев, 1902; Линева, 2009].
- 16 Окончив консерваторию в 1883 году по специальностям фортепиано (классы В. И. Вильборга, К. К. Клиндворта и П. А. Пабста) и теории композиции (классы П. И. Чайковского, Н. А. Губерта и С. И. Танеева), Ляпунов получил лестное предложение директора Московской консерватории К. К. Альбрехта остаться работать при консерватории, однако отклонил его [Шифман, 1960].
- 17 Первое публичное выступление Ляпунова в качестве пианиста состоялось в 1909 году.
- 18 Семейства Ляпуновых и Сеченовых были связаны родственными отношениями. Дядей С. М. Ляпунова по материнской линии был знаменитый физиолог И. М. Сеченов (1829–1905) [Памяти А. С. Ляпуновой ..., 2012, с. 114].
- 19 Мать композитора Софья Александровна Ляпунова (1824–1879), урожденная Шипилова, находилась в родстве с семейством Касьяновых. А. А. Касьянов (1891–1982), двоюродный племянник Ляпунова, занимался в его классе в Санкт-Петербургской консерватории.
- ²⁰ Опись фольклорных изданий, выполненная А. С. Ляпуновой, датируется 1919–1921 гг. См.: [Теплова, 2013, с. 233–248].

- 21 Филиппов Тертий Иванович (1826–1899), музыкально-общественный деятель, собиратель, исполнитель, знаток и пропагандист русских народных песен. Почетный член императорской Академии наук, Русского Географического общества. С 1889 года занимал должность государственного контролера в Государственном совете. Народные песни, исполнявшиеся Филипповым, записаны в 1860-х годах К. П. Вильбоа [Русские народные песни (100) ..., 1860], в 1875–1876 годах Н. А. Римским-Корсаковым [40 народных песен ... 1882]. Филиппов был инициатором создания и председателем Песенной комиссии ИРГО до конца жизни.
- ²² Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894.
- ²³ Георгий Оттонович Дютш (1857–1891) композитор, дирижер, собиратель народных песен. Благодаря инициативе М. А. Балакирева и по предложению членов Песенной комиссии ИРГО, Дютш вместе с Ф. М. Истоминым совершили поездку в 1886 году по Олонецкой, Архангельской, отчасти Вологодской губерниям, записывая напевы и тексты народных песен [Русская мысль о музыкальном фольклоре ..., 1979, с. 107].
- 24 Бурго-Дюкудре (Bourgault-Ducoudray) Луи Альбер (1840–1910) французский историк музыки, композитор, фольклорист, педагог. Записывал, изучал, гармонизовал и публиковал греческий, бретонский фольклор. Пропагандировал произведения русских композиторов за рубежом Профессор Парижской консерватории (1878–1908), где прочитал также курс лекций по русской музыке (1903). Бурго-Дюкудре состоял в переписке с М. А. Балакиревым, С. М. Ляпуновым.
- 25 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 380. Л. 1–2.
- 26 Там же. Л. 1.
- 27 Там же. Л. 2.
- 28 Там же. Л. 3–3 об.
- **29** Там же. Л. 3 об.
- 30 Песни русского народа собраны в губерниях Вологодской, Вятской, Костромской в 1893 г. / Записали: слова Φ . М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899.
- 31 Отчет прочитан в ИРГО 10 марта 1894 года. Полный текст размещен в настоящем издании. В XX веке переиздавались лишь

- фрагменты отчета [«Русская мысль о музыкальном фольклоре ... , 1979, с. 230–233].
- 32 В рукописи заголовок первого очерка «Село Кубенское (Кубено)» не имеет нумерации, № 1 присвоен следующему очерку «Кубенское озеро», № 3 очерку «Тотемский уезд (Кокшеньга)». Затем нумерация выставлена последовательно от № 4 до № 16. Последний очерк «От Макарьево до Костромы» не пронумерован, но должен был бы иметь № 17. В предложенной в издании рукописи «Дневника путешествия» выставлена порядковая нумерация, соответствующая хронологии следования разделов. Правка составителя приводится в квадратных скобках.
- 33 Страницы раздела 13 «По Вятской губернии» (Л. 66–68) в рукописи не заполнены. По-видимому, автор предполагал разместить на этих страницах свои наблюдения обобщающего характера, касающиеся итогов работы, как это было сделано в разделе 10 «Вологодская губерния».
- ³⁴ Так, фрагмент воспоминаний, посвященный крестьянской традиции «бучения» белья, которую собиратели наблюдали в Тотемском уезде, в тексте «Дневника путешествия» оказался помещен только в разделе «4. Архангельск». Темп передвижения и обилие впечатлений, по-видимому, иногда вступали в противоречие друг с другом. Автор указывает на то, что фрагмент должен быть отнесен «к Главе 3».
- 35 Император Александр III участвовал в финансировании экспедиции 1893 года. Издание сборника «Песни русского народа» (1894) осуществлялось на средства, выделенные Императором Николаем II.
- 36 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 78.
- 37 Там же. Л. 35 об.-36.
- 38 Там же. Л. 80.
- ³⁹ Там же. Л. 63–63 об. Аналогичные описания в «Дневнике путешествия» многочисленны.
- 40 Там же. Л. 21.
- 41 Там же. Л. 74.
- 42 Там же. Л. 18-18 об.
- 43 Там же. Л. 17-17 об.
- 44 Там же. Л. 32.
- ⁴⁵ Там же. Л. 4.
- 46 Там же. Л. 11 об. 12.
- ⁴⁷ Там же. Л. 36 об.
- 48 Там же. Л. 22.

- 49 Там же. Л. 52-52 об.
- 50 Там же. Л. 19 об.
- 51 Там же. Л. 20 об.
- 52 Там же. Л. 54.
- 53 Там же. Л. 28 об.
- 54 Композитор участвовал в церковных службах так часто, как только это было возможно. Ляпунову приходилось бывать и в храмах других конфессий. В частности, во время поездки в 1911 году в Италию на Международный музыкальный конгресс Ляпунов с интересом осматривал католические храмы. В 1919 году он был избран ктитором (старостой) церкви Рождества Пресвятой Богородицы при Петроградской консерватории.
- 55 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 2-2 об.
- 56 Там же.
- 57 Там же. Л. 6.
- ⁵⁸ Письмо С. М. Ляпунова к Е. П. Ляпуновой от 15 июля 1893 г. Цит. по: [Ляпунова А. С. Выписки из различных источников] // ОР РНБ. Ф. 1141. Ед. хр. 100. Л. 8 об.
- 59 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 29.
- 60 Там же. Л. 12 об.
- 61 Там же. Л. 12 об.
- 62 Там же. Л. 10 об.
- 63 Там же. Л. 19.
- 64 Там же. Л. 17.
- 65 Там же. Л. 70.
- 66 Там же. Л. 80-81 об.
- 67 Там же. Л. 55.
- 68 Там же. Л. 54-54 об.
- 69 К числу редких свидетельств исполнения мужским ансамблем свадебной песни является «В лете калина» в записи Е. Э. Линевой, сделанной в 1903 году в с. Фоминском Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. См.: [Марченко, 1998, с. 309–310].
- 70 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 6 об.
- 71 Там же.
- 72 Там же. Л. 8.
- ⁷³ Там же.
- 74 Там же. Л. 10.
- 75 Там же. Л. 34–34 об.
- 76 [Песни русского народа ... , 1899, № 2, с. 56–59].

- 77 Причитание невесты записано от Нины Михайловны Мальцевой, 1907 г. р. Запись: Парадовская Г. П., Столярова О., Голубева И., Балкова В., 19.09.1989. Архив ФЭЦ СПбГК. ОАФ. № 3279-19. Расшифровка Тепловой И. Б.
- 78 [Песни русского народа ..., 1899, № 1, с. 55].
- 79 [Там же. № 4, с. 64].
- 80 [Там же. № 8, с. 65-67].
- ⁸¹ [Там же. № 12, 12a, с. 75–77].
- 82 [Там же. № 5, с. 61].
- 83 [Там же. № 6, с. 62–63].
- 84 [Там же. № 7, с. 63-65].
- 85 [Там же. № 10, с. 69-73].
- 86 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 1 об.
- 87 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 9.
- 88 Там же. Л. 42.
- 89 [Песни русского народа ... , 1899, № 3, с. 47–49]. В предисловии к сборнику Ф. М. Истомин сообщает о том, что в 1892 году на одном из заседаний Отделения этнографии РГО известный славист И. А. Шляпкин сообщил о своей поездке в Великий Устюг и о записи от мещанина И. Ф. Говорова былины-колядки «По морю, морю Хвалынскому» («Сокол-корабль»). Этой информацией Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов и воспользовались во время своей поездки [Иванова, 2001, с. 116].
- 90 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 12. Л. 10. Нотация выполнена 22 июня 1893 года в селе Бобровском Востровской волости Устюжского уезда Вологодской губернии.
- 91 Материалы экспедиций Санкт-Петербургской консерватории и Вологодского педагогического университета.
- 92 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 11. Л. 1 об. Нотация выполнена 24 июля 1893 года в селе Раменская Слобода Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии.
- 93 [Песни русского народа ... , 1899. № 46, с. 253]
- ⁹⁴ [Там же. № 47, с. 254–256]
- ⁹⁵ [Там же. № 52, с. 263–265]
- ⁹⁶ [Там же. № 19, с. 213–214]
- 97 Образцы лирических песен молодецкой традиции в записи С. М. Ляпунова переизданы в современной редакции и приведены в сопоставлении с современными записями в сборнике [Народная традиционная культура Вологодской области ..., 2005. № 175,

- c. 269–272; № 176, c. 272–273; № 177, c. 273–276; № 178, c. 276–279; № 179, c. 280–281; № 180, c. 281–282].
- 98 [Песни русского народа ..., 1899, № 1, с. 141].
- 99 [Там же. № 2, с. 142].
- 100 [Там же. № 3, с. 145].
- ¹⁰¹ [Народные песни Вологодской области ... , 1981, № 124; Народная традиционная культура Вологодской области ... , 2005, № 26, 29—33, 38, 39, 61, 70, 71, 73].
- 102 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 20.
- 103 Там же. Л. 11 об.-12 об.
- 104 Там же. Л. 42-42 об.
- 105 Там же.
- 106 Там же. Л. 42.
- 107 По замечанию Ф. М. Истомина работа проходила в черемисской части этого уезда.
- 108 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 61 об.-62.
- 109 «Сторона моя, да сторонка» лирическая песня [Песни русского народа ..., 1893, № 17, с. 211].
- 110 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 50 об.
- 111 Там же.
- 112 Там же.
- 113 [Песни русского народа ... , 1899, № 18, с. 212–213].
- 114 [Там же. № 10, с. 203].
- 115 [Там же. № 53, с. 266–267].
- 116 [Там же. № 2, с. 192–193].
- 117 [Там же. № 11, с. 204–205].
- ¹¹⁸ [Там же. № 14, с. 207–208].
- 119 [Там же. № 17, с. 211–212].
- 120 [Там же. № 15, с. 161; № 23–25, с. 173–175].
- 121 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 59.
- 122 См.: [Браз, 2001, № 26, с. 103–108, № 28, с. 111–112 и др.].
- 123 [Песни русского народа ... , 1899, № 2, с. 88–89; № 7, с. 93].
- 124 [Там же. № 7, с. 93].
- 125 [Там же. № 16, с. 104–105].
- 126 Материалы фольклорной экспедиции Санкт-Петербургской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова в Нолинский район Кировской области 2010 года.
- 127 Опубликованные образцы причитаний см.: [Браз, 2001, с. 131–133].
- 128 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 60.

- 129 Там же.
- 130 Единичные публикации духовных стихов вятской традиции не содержат подобных сюжетов. См.: [Валовая, Поздеев, 1998, с. 477–497].
- 131 [Песни русского народа ... , 1899, № 4, с. 11–20].
- 132 [Там же. № 5, с. 21–26].
- 133 [Там же. № 3, с. 8–11].
- 134 [Там же. № 8, с. 31].
- 135 Атрибутировать указанный сборник не представилось возможным.
- 136 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 13. Л. 14 об.–15. Нотация выполнена в деревне Печенкино Ильинской волости Яранского уезда Вятской губернии. Духовный стих был исполнен Ф. В. Михеевым, 46 лет.
- 137 [Песни русского народа ..., 1899, № 3, с. 59].
- 138 [Там же. № 13, с. 77].
- 139 [Там же. № 8, с. 152].
- 140 [Там же. № 28, с. 179].
- 141 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 69 об.-70.
- 142 [Песни русского народа ..., 1899, № 9, с. 95].
- 143 [Там же. № 15, с. 102–103].
- 144 [Там же. № 34, с. 187–188]. Двухголосная запись напева является наиболее полной среди других нотаций, отражающих многоголосное пение.
- 145 [Там же. № 34, с. 171–172].
- 146 [Там же. № 24, с. 221–222].
- 147 [Там же. № 8, с. 94].
- 148 [Там же. № 17, с. 106].
- 149 [Там же. № 27, с. 120–121].
- 150 [Там же. № 36, с. 131].
- ¹⁵¹ См.: [Чухломской фольклор ... , 2013].
- 152 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 78.
- 153 [Песни русского народа ... , 1899, № 18, с. 107–108].
- 154 [Там же. № 29, с. 123].
- 155 [Там же. № 3, с. 89–90].
- 156 [Там же. № 4, с. 91].
- 157 [Там же. № 5, с. 92].
- 158 [Там же. № 6, с. 92].
- 159 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 28 об.
- ¹⁶⁰ Записная книжка № 7. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 12а–16.
- 161 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр 37. Л. 24.
- 162 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 18.

- 163 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 16.
- 164 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 18.
- 165 ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 12. Л. 5 об.
- 166 Фотография С. М. Ляпунова и Ф. М. Истомина. ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 22.
- 167 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 65.
- 168 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 25 об. 26 об.
- 169 Фото А. В. Поляковой, 2012 г. Архив ФЭЦ СПбГК. Кол. 285.
- 170 Фото Г. В. Лобковой, 2010 г. Архив ФЭЦ СПбГК. Кол. 267.
- 171 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 25 об.–26 об.
- 172 ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 65.
- ¹⁷³ Фото Г. В. Лобковой, 2009 г. Архив ФЭЦ СП6ГК. Кол. 252.
- 174 Наблюдения А. С. Ляпуновой о связи творчества композитора с фольклором см.: [Ляпунова, 1963, с. 5–6].
- 175 [Песни русского народа ... , 1899, № 2, с. 46–47].
- 176 [Там же. № 42, с. 248–249].
- 177 [Там же. № 32, с. 232–233].
- 178 [Там же. № 30, с. 181–182].
- 179 [Там же. № 9, с. 153].
- 180 [Песни русского народа ..., 1894, № 14, с. 71–75].
- ¹⁸¹ [Там же. № 6, с. 46–50].
- 182 [Песни русского народа ..., 1899, № 20, с. 167].

С. М. Ляпунов

ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ

В ГУБЕРНИИ ВОЛОГОДСКУЮ, ВЯТСКУЮ, КОСТРОМСКУЮ И ЯРОСЛАВСКУЮ ЛЕТОМ 1893 ГОДА С ЦЕЛЬЮ СОБИРАНИЯ РУССКИХ НАРОДНЫХ ПЕСЕН С НАПЕВАМИ

[1]. Село Кубенское (Кубено)1

Выехав 13 июня из Вологды около 1 часу дня, мы поехали в село Кубенское², отстоящее от Вологды на 28 верст. Дорога шла по белозерскому тракту, мимо Спасо-Прилуцкого монастыря, основанного св[ятым] Димитрием Прилуцким³. Здесь мы останавливались поклониться мощам преподобного, напиться из вырытого им самим колодца, около которого стоит деревянный крест, сделанный самим преподобным⁴. Крест этот сделан из круглых бревен, вышиною в 3 аршина и уже очень ветх, так что для сохранения обшит досками. Часовня, в которой помещается крест и колодец, внутри покрыта изображениями из жизни преподобного и кратким сказанием его жития. // Здесь же в монастыре находится могила поэта Батюшкова⁵. Прикладывался к мощам преподобных Димитрия и Игнатия и мысленно испрашивал их благословения на предпринятое нами дело.

Затем мы двинулись дальше и прибыли в Кубенское около 4 ½ часов. Село Кубенское расположено очень близко от озера того же названия, на невысоком берегу. Напротив него на другом берегу видна церковь св[ятого] Николая⁶, находящаяся на так называемой святой луке⁷ — месте, где река Сухона вытекает из озера. Первое впечатление, вынесенное мною от переезда, было необыкновенная скученность населения. Село

--

. 2

л. 2 об.

очень мало; небольшие деревни расположены очень близко одна от другой, церкви отдельно, как погосты, хотя этого названия здесь нет. Село Кубенское есть резиденция станового, волостной центр, а потому было для нас очень удобно начать наши занятия // в нем.

В этом селе две церкви: одна теплая — во имя Димитрия Солунского⁸, другая холодная — Илии Пророка⁹, отчего и село называется Ильинским. Обе церкви большие, каменные и богатые, находятся в общей ограде; колокольня помещается между ними. В холодной церкви есть чудотворный образ Божией Матери — Неопалимая Купина. Образ очень старый и краска на нем во многих местах облупилась; он относится к 1696 году. Обе эти церкви существуют с прошлого столетия, а до них здесь выстроены были другие, так как, по словам священника и судя по году на образе в с[еле] Кубенском, была церковь в XVII веке. // Благодаря содействию станового пристава и здешних старожилов удалось найти певиц и записать несколько песен¹⁰. При селе очень мало земли, приходится приблизительно по 1/2 надела на душу. Народ занимается, главным образом, торговлей и отхожими промыслами. Между прочим, тут есть коптильные заводы, где коптят селедку и отправляют в Петербург. Женщины и девицы занимаются плетением кружев, получают большие заказы и образчики из Петербурга.

Очень оригинальны избы своей постройкою. Почти все они двухэтажные; вы входите в сени, разделяющие переднюю избу от задней; в нижнем этаже первой избы, выходящей на улицу, находится кладовая, имеющая вход с улицы или сбоку. В сенях вы поднимаетесь по лестнице и входите в теплую избу над кладовой. Расположение ее, в общем, похоже на избы средней полосы России, только гораздо просторнее; стены оклеены обоями; печь выбелена, помещается среди избы, так что за нею есть еще свободное место для помещения умывальника, помойного ведра и т. п. По другую сторону сеней находится изба холодная. Низ ее занят помещением для скотины, оно заменяет скотный двор средней полосы. Наверху помещаются птицы // и имеется иногда холодная жилая комната, кажется, для лета; такую мы занимали. Дворов, т. е. отгороженного пространства, где помещаются мшаники коров¹¹ и т. п., как в средней полосе

л. 4

л. 3

л. 3 об.

России, нет. Это общий тип постройки всей местности при озере Кубенском и в Вологодском уезде.

14-го путешествие наше продолжалось до станции 12 Новленской, где мы только ночевали и навели справки. 15-го по-ехали дальше. По дороге заезжали в Сямский монастырь¹³. К вечеру приехали в Нефедово; деревня расположена на самом северном конце озера в 10 верстах от Кирилловского уезда Новгородской губернии.

[2]. Кубенское озеро

Собрав сколько возможно было песенного материала в Нефедово¹⁴, мы 16-го июня направились обратно в Новленское, где к нашему приезду должны были собраться старички, помнящие старину. По дороге мы останавливались в деревне Березниках, где тоже занимались записыванием песен и // причетов¹⁵. В Новленское мы возвратились около 4-5 часов вечера; старички были в сборе, и мы, приведя в порядок себя после дороги, принялись за работу 16 . Вечером мы думали переехать озеро к Спасо-Каменному монастырю 17 , но поднялся противный ветер, который заставил нас отложить ночное путешествие по озеру. Мы только перебрались в избу к лодочнику, которого наняли, в версте от Новленского и там переночевали.

На другой день, т. е. 17-го июня, мы отправились в путь около 7 час[ов] утра. Озеро Кубенское¹⁸ имеет около 70 верст длиною и около 10–15 верст шириною. Ехать от Новленского к Спасо-Каменному монастырю приходилось немного наискось по озеру, и это расстояние равняется 13 верстам. Тут мне пришлось увидеть, как приозерский народ рано привыкает к плаванию по озеру: нас провожали двое гребцов, один взрослый и здоровый мужик, // другой — мальчик, его брат. Старший безостановочно работал веслами все 13 верст, но и мальчик не отставал от него. Мой спутник [Ф. М. Истомин] ненадолго заменял его для собственного моциону, но это было ничтожно, сравнительно с тем, сколько пришлось работать мальчику. Мы выехали совсем в теплую погоду, но, по мере того как плыли по озеру, постепенно разгуливался встречный ветерок,

л. 4 об.

который под конец порядочно мешал гребцам и покачивал лодку.

В монастырь мы приехали к концу обедни, сейчас же прошли в церковь, после обедни отслужили молебен преп[одобному] Князю Иоасафу¹⁹ и затем были приглашены к отцу казначею (настоятеля в то время не было). Монастырь расположен на небольшой площадке, окруженной со всех сторон водою. Растительности нет почти никакой, и монастырские здания теснятся друг к другу, как бы спасаясь от окружающей воды. В церкви наверху покоятся недавно перенесенные сюда мощи преп[одобного] Князя Иоасафа, а // внизу — Василия Блаженного²⁰. Юго-восточная часть монастырского острова образует косу, которая обнажается после спада воды и соединяет остров с берегом, который теперь еще тоже покрыт водою. Тут монастырские обширные заливные луга и покосы. Северная же сторона острова наоборот совсем открыта для ветров и бурь, часто страдает также ото льдов. На берегу лежит камень 500 пудов весу с надписью, что он был поднят льдами во время ледохода и положен на крышу братского корпуса. Это случилось в 1834 году и обошлось без несчастий. В нынешнюю весну в монастыре был разрушен сарай с заготовленным кирпичом для постройки.

На острове помещается спасательная станция²¹, и из монастыря мы были доставлены матросами этой станции в пустынь преп[одобного] Александра Куштского²², приписанную к монастырю и находящуюся на другом берегу Кубенского озера на речке Куште. Он помещается в лесу. Не доезжая его, на берегу речки, на открытой // полянке стоит деревянный крест. По преданию, здесь хотел основать преподобный свою обитель, но ушел отсюда вследствие множества змей. И в настоящее время здесь водится множество змей, и даже протекающая тут речка называется Змеевкой. Пустынь Александра Куштского расположена на очень красивом местечке; в ней две церкви, одна деревянная очень старинной постройки, другая каменная, которая соединяется с деревянною через боковые двери. Внизу в каменной церкви покоятся мощи преподобного²³. В деревянной церкви замечателен старинный иконостас старинной работы. Остальные здания все деревянные и очень бедны; есть недавно построенный корпус для приезжих. Здесь

л. 5 об.

мы встретились с настоятелем, который постоянно находится в разъездах и хлопочет о возрождении этих древних обителей. Переночевав тут, мы были доставлены на лошадях о[тца] настоятеля до села Устье, в 4 верстах от пустыни, где сели на пароход.

Село Устье находится при впадении реки Кубены в Кубенское озеро; это богатое торговое село. Недалеко от него много лесопильных заводов. 18-го // июня мы сели на пароход в Устье и в тот же день около 6 час[ов] вечера прибыли в Вологду, проведя в дороге шесть дней и сделав всего около 250 верст.

л. 6 об.

Относительно главной цели нашего путешествия общее заключение должно быть сделано не в хорошую сторону. С большим трудом нам удалось собрать небольшое количество песен и причетов, а причину этой неудачи прямо следует искать в исчезновении песен в народе. Здесь народ настолько уже отрешился от своей старины, что у него не сохранилось почти никаких памятников прежнего творчества. Когда же приходилось слышать какую-нибудь старинную песню от стариков, то надо было удивляться не тому, что эти песни исчезают так быстро, а тому, что они еще могут держаться в памяти стариков. Исполнение было настолько нехудожественно, что прямо чувствовалось, что песни эти чужды народу, от них остался только остов. Более других сохранились песни свадебные и причеты, между которыми есть интересные²⁴.

3. Тотемский уезд

л. 7

20-го июня мы проехали из Вологды в Тотьму. Этот город расположен на левом берегу Сухоны и не отличается красотою местоположения. Не доезжая его верст восемь по Сухоне, есть остров, где был прежде упраздненный теперь Дедов монастырь, отчего и остров носит то же название²⁵. Как старинный город Тотьма имеет много церквей; все они уже вновь перестроены, так что старины в них не сохранилось, но есть еще на некоторых старинный орнамент. Собор новейшей постройки и расположен на четырехугольном пригорке, имеющем со всех сторон естественные обрывы и скаты, а его четверток— искус-

ственный ров. Здесь был прежде тотемский городок и крепостница, след башен которой еще заметен и теперь. Колокольня собора старой постройки; она не высока. Самый большой колокол — праздничный — имеет весу около 1000 пудов, а второй — воскресный — около 300, а будничный — 150 п[удов]. На ней устроены мастером часы и куранты, отбивающие каждую минуту и каждую четверть часа.

л. 7 об.

В Тотьме есть порядочная // гостиница, в которой мы и остановились. В первый же день по приезде мы явились к исправнику и просили его содействия в нашем деле, в чем он, конечно, не отказал. Других официальных лиц мы, конечно, не видали, но имели кое-какие сведения о Тотемском уезде от бывшего представителя земской управы А. Т. Попова и председателя уездного суда Рыбакова, которых видели в Вологде. 21 июня часов около 10 вечера мы отправились в кругосветное путешествие по Тотемскому уезду.

л. 15 об.

[К главе 3-й]²⁶.

л. 16

21-го июня часов около 10 вечера мы выехали из Тотьмы на почтовых, чтобы попасть на Бабье озеро. Дорога шла левым берегом Сухоны, на котором расположен и город, так что, чтобы попасть // к нашей цели, нам предстояло впоследствии переехать Сухону. Довольно гористый берег, дорога проложена то лесами, то по берегу Сухоны, северная июньская ночь, почти не отличающаяся от сумерек, блестящие искры светляков в кустах и в траве по обе стороны дороги, — все это сообщал[о] какуюто особенную поэтичность нашему пути. Впереди неведомые страны, глушь, в которой ожидалось найти много любопытного и поучительного. Первая станция отстоит от Тотьмы на 25 верст и находится уже на правом берегу Сухоны. Мы проехали несколько деревень и сел, наконец, ямщик наш подвез нас к самому берегу реки и стал тихо спускаться с горы. Тут был паром; перевозчики, услышав наши колокольчики, поехали в лодке с другого берега навстречу к нам. У самой воды на противоположном берегу виднелось несколько огней. «Что это — <просил мой спутник [Ф. М. Истомин] у ямщика. «Нет, это белье буцят»²⁷, — ответил он. Переправившись на другой берег, мы приехали в деревню Камчугу, где и находится станция. Пока нам меняли лошадей, мы отправились посмотреть, в чем

состоит бучение белья у здешних крестьянок. Я потом заметил, что здесь везде в ходу тот же самый способ бучения, который состоит в следующем: в кадку накладывается доверху // белье и наливается вода, и растворяется зола. Затем разводится костер, и в нем раскладываются камешки, которые и опускаются в кад-ку с бельем, заставляя воду кипеть; чтобы кипение не прекра-щалось, камни постоянно сменяются, пока что, наконец, закипает вся кадка. Тогда она накрывается и оставляется преть; то же самое со следующей, затем вторично повторяется с первой и так в течение почти полусуток и далее. Потом белье выполаскивается и сушится²⁸.

л. 16 об.

Первою нашею целью была местность у Бабьего озера, л. 7 об. лежащая в восточной части уезда близ границы Никольского уезда и в 90 верстах от г[орода] Тотьмы. Почтовые дороги здесь хороши и красивы, идут по большей части лесами через широкие просеки. Чтобы попасть на Бабье озеро, мы должны широкие просеки. Чтобы попасть на Бабье озеро, мы должны были переплыть Сухону к первой станции и потом свернуть с почтового тракта на земский и проселочный. Трудно себе представить дорогу ужаснее той, которую пришлось нам сделать последние 20 верст до Бабьего озера. Эта дорога пролегает лесом по узкой просеке и по болоту. Она вымощена, но самым варварским способом — поперек // ее проложены круглые бреварварским спосооом — поперек // ее проложены круглые оревешки и палки, не засыпанные сверху землей, так что колеса прыгали по ним ежеминутно, делая толчки едущим. При этом большая часть этой мостовой уже сгнила, вследствие чего колеса часто уходят по ступицу в болото. Путь этот пришлось нам совершать уже 22 утром, так что к неудобствам самой дороги присоединилась назойливость слепней (паутов, как здесь называют) и мух, не дававших покоя ни лошадям, ни нам. Ехать скоро было невозможно; мы употребили на эти 20 верст около 4-х часов.

Бабье озеро — местность действительно глухая; она окружена болотами, отрезана от всех окружающих ее сел и дережена облогами, отрезана от всех окружающих ее сел и деревень, и это обстоятельство заставило нас предполагать там возможность найти старинные песни и, может быть, даже былины. Но надежды наши не оправдались: былин и дух[овных] стихов совсем не оказалось, а из песен более уцелели свадебные. Песни же лирические (бытовые, семейные и любовные) превратились

65

в солдатские или приняли оттенок какой-то пошловатости и ухарства. То же, что замечалось и на Кубенском озере, хотя всетаки здесь эти влияния оказались не так сильны.

Окончивши собрание песен²⁹, мы пожелали побывать на погосте, отстоящем от деревни // версты на три. Дорога обходит далеко прилегающее к озеру болото, и потому мы предпочли пройти болотом до озера и переехать его в лодке, что и сделали. К озеру надо было пройти моховым болотом, в котором ноги погружались почти до колен. Озеро пришлось переезжать в маленьком ботике, который погружался в воду почти в уровень с краями. Озеро невелико, и погода была совершенно тихая, так что переезд совершался без всяких приключений. Бабозерский погост был прежде монастырем³⁰, который упразднили с введением штатов во второй половине прошлого столетия. Хотя монастырь был древний, но существующая там церковь новая: тут два раза были пожары, которые уничтожили все памятники. В церкви есть икона резная св[ятой] Пятницы (Прасковья), очень чтимая народом. Приход очень беден, и священник живет в крестьянской обстановке. При церкви есть церковно-приходская школа. Вернулись мы с погоста уже не по озеру, а берегом через болото, где оказались проложенными мостки.

К вечеру мы выехали из дер[евни] Мумаихи, в которой занимались собиранием песенного материала. Ехать надо было тою же дорогою, так как // другой нет. Ямщик нас уверял, что в его деревне Харино, которую мы накануне проехали не останавливаясь, сохранились старинные песни, и обещал нам собрать стариков. Вследствие этого, приехав в Харино на рассвете 23 июня, мы там остановились и после отдыха занялись собиранием песен. Ямщик оказался прав: тут мы замечательно прибавили песенным материалом, хотя не в количественном, а в качественном отношении. Здесь были сделаны фотографические снимки с певиц-старух и певцов³¹.

В тот же день мы двинулись дальше, переехали опять Сухону и 24 [июня] приехали утром в село Раменск[ая] Слобод[а]. Здесь наш сбор обогатился кроме песен и причетов двумя духовными стихами про Лазаря и Алексея человека Божьего и одною былиною про Илью Муромца, совершенно нового содержания³². Здесь же я поинтересовался местными рукодельями и

л. 8 об.

приобрел несколько полотенец с шитыми концами (чеканами, как их называют) 33 и шерстяной узорчатый пояс.

Отсюда мы имели намерение проехать через местность, называемую Кокшеньга³⁴. Это несколько волостей, расположенных по речке // Кокшеньге, ее притокам Уфтюге и Тарноге³⁵. Здесь были древние новгородские поселения, сохранились даже названия деревень — Новгородовская, Салтыковская, свидетельствующие о происхождении их жителей. Местность эта часто подвергалась нападением Литвы и вятичей³⁶, здесь же происходили сражения князей, ведших междуусобные войны, как, напр[имер], Шемяка³⁷ и Василий III³⁸. Местность эту посещал царь Ив[ан] Грозный³⁹. Сохранилось много холмов, на которых были прежде выстроены городки и укрепления. В этих пригорках находят иногда старинные монеты. По мере того, как мы приближались к Кокшеньге⁴⁰, народ нам сообщал, что там можно найти много и старых песен, и всяких рукоделий, так что интерес к Кокшеньге все возрастал, и благодаря ее историческому значению я ждал от нее многого.

25 июня мы приехали в дер[евню] Монастырскую при погосте Маркушевском; это последняя станция до Кокшеньги. Здесь мы собрали около 10 песен⁴¹ и опять слышали рассказы про Кокшеньгу. Любопытство мое возрастало. В этот день к вечеру мы приехали на станцию Игумново в Кокшеньге. Тут — местопребывание земского начальника, который оказал нам содействие в нашем деле через волостного старшину: урядник был уже предупрежден о нашем приезде // исправником. Вследствие этого нашли даже деятельное содействие и записали около 14 песен и причетов⁴², но признаюсь, я ожидал большего и более интересного. Былин и дух[овных] стихов не нашлось; ограничились свадебными причетами, хороводными и солдатскими песнями.

Кокшеньга расположена в северной части Тотемского уезда и отстоит от города Тотьмы на 80–100 верст. Земский нач[альник] посоветовал нам проплыть к Спасскому погосту, находящемуся в 25 верстах от Игумново к северо-западу. Надеясь найти там более глубокое место, мы направились туда вечером 26 июня и провели там воскресенье 27 июня. По части песен нашли там еще меньше. Привели к нам двух слепых, не местных, которые могли нам пропеть только один ду-

л. 9 об.

л. 10

х[овный] стих об Иоанне Богослове. Местные жители пели преимущественно хороводные, удалось записать несколько причетов и песен лирических и солдатских. Всего записано было 12 песен⁴³.

Общее впечатление Кокшеньга произвела не в свою пользу. В ней сохранилось много старых обычаев и обрядов, особенно свадебных, сохранились и древние костюмы; шитые золотом головные уборы, называемые борушками⁴⁴, и род кокошников, называемых головодцами⁴⁵, которые надеваются, когда выводят невест на смотренье; сохранились // шелковые и атласные сарафаны; но при всем этом не сохранилось народной поэзии, песен и былин. Сам народ, по рассказам, отличается буйством и разгулом — черты как будто сохранившиеся от их предковновгородцев⁴⁶. Кокшары, как их зовут, отличаются также злопамятностью и мстительностью; любят драться не кулаками, а чурочками, из которых иные бывают весом до 1/2 пуда и более, говорят, что когда супротивника чурочкой пришибешь, то его и бить будет легче. Как характеристика народа этой местности может служить и количество преступлений, которых в Кокшеньге бывает значительно больше, чем где-либо в уезде. Исправники передавали нам, что там недавно на одной неделе было совершено четыре убийства. В Кокшеньге есть и раскольники⁴⁷, но живут они между православными, не составляя отдельных обществ. Набожностью жители Кокшеньги не отличаются и больше любят те праздники, когда варится пиво⁴⁸, которым и упиваются до полусмерти, причем, конечно, не обходится без увечий.

Спасский погост очень богат как сельский приход. В нем есть деревянная церковь с шатровой крышей, существующая около 200 лет⁴⁹, а // каменная отстроена недавно⁵⁰, в ней три предела, из которых два существовали ранее, а главный освящен недавно еп[ископом] Израилем. К погосту теперь приписана церковь св[ятого] Николая, находящаяся от него верстах в трех на другом берегу Кокшеньги. Она очень старая, деревянная и стоит на квадратном холме — место бывшего городка. Там, по преданию, были подземные ходы, на месте которых остался только ров, там же есть курганы, которые раскапывались, но ничего в них не найдено. Близ Спасского погоста есть такой же квадратный холм, на котором еще в недавнем времени

л. 10 об.

л. 11

была деревянная церковь, но за ветхостью сломана, и иконостас ее перенесен в каменную церковь на погосте. Приход имеет возможность содержать двух священников и дьякона; один из священников раза четыре в год совершает службы в церкви св[ятого] Николая, у которой поселилось несколько старух и образовали нечто в роде общины.
В речках Кокшеньга и Уфтюга прекрасное купание, кото-

рым мы не замедлили воспользоваться.

21-го вечером мы двинулись в обратный путь прямо в Тотьму, уже не останавливаясь для собирания песен. Первые две станции находились настолько близко // от Спасского и Игумново, что невозможно было ожидать найти в них чего-либо нового. А потом была станция в 34 версты лесом без деревень; мы проезжали только мимо возникающих поселков. После них мы уже настолько приблизились к городу, что искать тут старины было бы бесполезно. Таким образом, мы через неделю 28 июня вернулись в Тотьму, сделав по уезду на лошадях 337 верст. Прибыв в Тотьму 29-го, мы сели на пароход 30-го июня и поехали в Архангельск.

В Вологодской губернии есть много особенностей, очевидно недавно унаследованных и выработанных условиями местной жизни. Там очень почитается память св[ятого] Прокопия Устюжского⁵¹, и Прокопьев день 8-го июля принял в народном определении времени такое же значение, как Петров день или Спас. Народ в Тотемском уезде, по крайней мере, в отдаленных его и в глухих местах, сохранил еще свой старинный костюм. Мужчины ходят в рубахах-косоворотках, сшитых из белого холста местного тканья, причем косой ворот рубахи пробран (или — выкладен, по местному) // красным узором вокруг шеи и углом на груди по разрезу ворота. Таким же узором обшивают и рукава. Молодые парни иногда по праздникам носят вышитые портянки (онучи), шитье которых выпускается поверх голенища сапог. Девушки обшивают подолы рубашек широкими узорами, вышитыми или выкладеными.

По окраинам уезда народ занимается исключительно земледелием, но и этот промысел вследствие скудости почвы чрезвычайно мало приносит выгоды. Земля по большей части песчаная и переполнена камнями. Здесь выработался особый прием землепашества. Крестьяне обыкновенно стремятся расчищать

л. 11 об.

нови, причем обыкновенно выжигается площадь леса, и затем ее пашут, не выкорчевывая корней. На нови родится порядочный хлеб, стоит рожь, лен, последний имеет хороший сбыт. Но лет через пять вычищенное место совсем истощается и его бросают лет на пять-шесть, пока оно опять не зарастет. Тогда снова его чистят, года два парят, удобряя его насколько // возможно, и оно снова дает урожай. Расчищая и уничтожая леса, крестьяне, конечно, не сознают, что этим способом они губят землю. Песчаный грунт быстро высыхает, а земля становится не способною удерживать влаги. Конечно, лесов еще очень много, но нельзя не признать, что единственным спасением от такого истребления леса, которое вообще небезопасно в отношении пожаров, служит существование больших казенных и удаленных лесных дач.

Народ вообще благочестив и набожен. Этим только можно объяснить существование церквей без приходов или с малыми приходами. Люди чтут свою старину церковную и желают сохранить ее. К числу характерных чисто русских обычаев надо отнести и следующий. Когда мы садились в Вологде на пароход, на пристани собралась масса народу; это, пожалуй, единственное развлечение вологжан, тут были и проводы, трогательные прощания. После третьего свистка капитан скомандовал убрать мостки, снять чалки 52 , и когда пароход остался уже свободным на реке, капитан громко произнес: «Помолимся Богу». Все — как на пароходе, так и оставшиеся на берегу, — сняли шапки и, обратясь к церкви св[ятого] Федора Стратилата, стоящей около пристани, стали креститься. После этой всеобщей молитвы капитан скомандовал машинисту дать ход, и пароход тронулся. То же самое повторялось и на пристанях, где пароход останавливался.

4. Архангельск

Мы выехали из Тотьмы 30-го июня часа в три дня. Ехать пришлось на этом же самом пароходе, на котором мы ехали из Вологды неделю тому назад. По дороге меня интересовал порог на Сухоне, находящийся между Устюгом и Тотьмою и называ-

л. 12 об.

л. 13

емый <u>Опоками</u>⁵³. Место это пришлось нам проезжать ночью, но северная светлая ночь не препятствовала обозревать этот грандиозный вид. Не особенно высокие берега Сухоны подымаются здесь на очень значительную высоту с обеих сторон, так что кажется, // что река пробила себе дорогу сквозь горный хребет, причем одна сторона, как бы оборвавшись в реку, образовала стену, на которой обнаруживались разноцветные слои глины. У противоположного берега образовалась отмель, огибаемая крутым поворотом реки, и на отмели стоит деревня Порог. Гора, почти отвесно спускающаяся в реку с другой стороны, называется Святая, и на ней тоже расположена деревня, называемая Святая. Река в этом месте ловольно суживается и волваемая Святая. Река в этом месте довольно суживается и волнуется, как бы кипит. Проехав это место часов около 4-х утра, мы приехали в Устюг в 9-м часу 1-го июля. Здесь пароход стоял недолго, и мы успели только съездить на почту. Затем началось недолго, и мы успели только съездить на почту. Затем началось долгое и томительное плавание в течение почти 2-х суток до Архангельска. К моему сожалению, пароход не останавливался в Красноборске, где я надеялся получить письма, и пришлось ждать времени, когда мы // обратно поплывем из Архангельска и будем останавливаться в Красноборске.

В Архангельск приехали часов около 2-х ночи со 2-го на 3-е июля. Здесь мы были радушно приняты братом моего спутника Истомина, у которого и поселились. Архангельск — го-

л. 13 об.

л. 14

июля. Здесь мы были радушно приняты братом моего спутника Истомина, у которого и поселились. Архангельск — город небольшой по народонаселению (около 22000 жит[елей]), но чрезвычайно странно и широко расположенный. Он весь вытянулся узкой полосой по берегу Двины, так что от одного конца его до другого считают около 10 верст. Постройки преимущественно деревянные в виде двухэтажных домиков, окруженных садами. Вследствие своего исключительного расположения, он не имеет центра. Собор, дом губернатора, присутственные места, дума, гимназия, таможня — все это находится приблизительно в одном месте и поэтому крайне удалено от обеих его окраин. По моему мнению, это должно предоставлять значительное // неудобство для жителей, но почему-то город распространился именно в таком направлении. В нем очень много иностранцев, преимущественно немцев, так что одна часть города называется немецкою слободою. По протяжению города замечается недостаток церквей. Жители города говорят, что Архангельск красив с противоположной стороны

л. 14 об.

Двины, но этого вида мне не удалось видеть; в самом же в нем — почти никакой красоты и изящества расположения. Двина в этом месте очень широка, около 5 верст, и берега ее совсем низки и плоски. С набережной видна масса судов всякого рода; с тех пор, как сделан канал, большие морские суда заходят в реку даже выше Архангельска, между тем как до устья от Архангельска считается около 50 верст.

На набережной находится домик Петра I-го, перенесенный с острова, на котором первоначально был выстроен⁵⁴. Снаружи домик // обстроен деревянными стенами и крышей и находится как бы в футляре, но вообще этот исторический памятник имеет вид заброшенного. Внутренность домика совершенно пуста, не сохранилось ни мебели, ни какой-либо утвари. В двух комнатах остались только образа, краска на которых совсем почти облезла и почернела. Стены его внутри и снаружи выбелены, вероятно, после перенесения его на новое место. Вообще этот вид не свидетельствует об уважении архангельцев к историческим памятникам своей родины.

В Архангельске есть музей⁵⁵, в котором помещаются образцы местных изделий промышленности и типы животного царства. Там я приобрел несколько изделий из моржовой кости. Хотя приморский город, но свежей морской рыбы не имеет, так как все рыбные промыслы находятся на откупе у приезжих скупщиков, увозящих рыбу в столицы. Наиболее употребительные // рыбы: треска, нельма⁵⁶, семга и палтусина.

В воскресенье 4-го июля я посетил собор во время литургии, в 4-[м] часу мы выехали обратно до Нижней Тоймы, откуда начинали опять свои занятия по собиранию песен.

К числу достопримечательностей Архангельска следует отнести памятник Ломоносову⁵⁷, построенный на небольшой площадке против гимназии с одной стороны, присутственного места с другой. Памятник этот так незначителен, что положительно можно его не заметить.

Двина после Красноборска по направлению к Архангельску имеет красивые берега, состоящие из алебастровых обрывов. Они невысоки, сверху покрыты лесом, а к реке спускаются крутыми обрывами, так что слои глины и алебастра резко выделяются⁵⁸.

л. 15 об.

л. 15

Примечания

- ¹ Текст приведен к нормам современной орфографии и пунктуации. Используется современное написание наименований деревень и сел. Не сохранено принятое у Ляпунова написание дат с прописной буквы и с подчеркиванием. Нумерация разделов восстановлена в соответствии с хронологией повествования и обозначениями автора. Текст разбит на абзацы, поскольку отступы в авторской рукописи практически отсутствуют.
- «Историки предполагают, что село Кубенское возникло в IX X вв. До конца XIII в. Кубенский городок это значительный укрепленный населенный пункт, более известный, нежели Вологда. До середины XV в. село Кубенское центр Заозерско-Кубенского удела вплоть до присоединения к Московскому княжеству в 1447 г. В XVII в. село пожаловано царем Михайлом Федоровичем боярину М. Салтыкову. Название получило по озеру Кубенскому, на юго-западном берегу которого расположено». См.: Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск, 1988 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).
- ³ «Спасо-Прилуцкий мужской монастырь один из крупнейших монастырей Севера. <...> Основал обитель в 1371 г. Дмитрий Прилуцкий — видный деятель русской церкви второй половины XIV в., друг и сподвижник Сергия Радонежского <...> Монастырь был важным военно-стратегическим пунктом, расположенным на дороге, ведущей из Вологды в Белозерск, Великий Устюг, Пермь и другие города. Первоначально все постройки обители и ограда были деревянными. Со второй четверти XVI в. в нем начинают возводить каменные здания. Начало новому архитектурному ансамблю положило сооружение большого соборного храма Всемилостивого Спаса Происхождения Честных Древ Животворящего Креста. До конца XVI в. создаются и другие крупные каменные здания — трапезная палата с храмом и главные северные ворота с надвратной церковью. <...> В XV-XVI вв. Спасо-Прилуцкий монастырь являлся одним из <...> наиболее известных на Севере. Об этом, в частности, красноречиво свидетельствует широкое почитание его прославленных "святынь" — иконы "Дмитрий Прилуцкий с житием" начала XVI в. и так называемого Киликиевского

- креста». См.: Бочаров Г. В., Выголов В. П. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1979, 295 с. (Художественные памятники XII–XIX вв.) // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/vyg/olov/7.htm (дата обращения: 01.12.2014).
- 4 С. М. Ляпунов, описывая крест преподобного Димитрия Прилуцкого, возможно, вспоминает так называемый Киликиевский крест «большой запрестольный крест начала XVI в., деревянный, двусторонний, восьмиконечный, украшенный медной золоченой басмой и 84 резными костяными иконками. Название свое он получил от Киликийской области (Малая Азия), откуда его якобы привезли. По преданию, в XIV в. он был принесен Дмитрием Прилуцким из Переславля и водружен на месте будущего Спасо-Прилуцкого монастыря». См.: Там же.
- 5 Константин Николаевич Батюшков (1787–1855) выдающийся русский поэт. Последние двадцать два года жизни Батюшков прожил в Вологде. Поэт похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре. См.: [Кошелев, 1987, с. 335, 341].
- 6 По преданию, деревянная церковь появилась рядом с селением Святая Лука и заброшенным, полуразрушенным монастырем. Она была выстроена преподобным Дионисием Глушицким и Пахомием, его единомышленником и собратом. Иконы для храма писал сам преподобный Дионисий, обладавший талантом незаурядного иконописца. Он же освятил храм во имя Святителя Николая Чудотворца. Иноческая обитель возникла на Святой Луке около 1396 г. См.: Житие Преподобного Дионисия Глушицкого // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/d/DionisijGl.html (дата обращения: 01.12.2014).
- «Святая Лука одно из древних селений края. В источниках отмечается два названия селения: деревня Общее и Святая Лука. В XIX в. погост назывался Святолуцкий, в XX в. Лука». Наименование связано с местоположением: селение, находящееся на "луке" излучине, изгибе берега; заливе, образуемом изгибом берега. См.: Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: Топонимический словарь. Архангельск, 1988 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/cha/iki/na/3.htm (дата обращения: 01.12.2014).
- 8 Каменная Кубенская Димитриевская церковь была построена в 1816 г. Престол в честь великомученика Димитрия Солунского.

- См.: Кубенский Троицкий приход // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history.php?id=1056 (дата обращения: 01.12.2014).
- «Церковь пророка Илии на Кубенском погосте в Кубенской волости Вологодского уезда упоминалась в окладной книге 1618 года. Каменная Кубенская Ильинская церковь была освящена в 1745 г.» См.: Кубенский Ильинский приход // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/parish_history. php?id=546 (дата обращения: 01.12.2014). «В этом храме находилась чудотворная икона Богоматери "Неопалимая купина", доставленная в село из Вологды в 1696 г. и призванная оградить кубян от моровой язвы». См.: Дементьев В. В. Свет малой родины. Отчина и дедина. Вадим Дементьев. М., 2008 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/otch/inai/ ded/ina/29.htm (дата обращения: 01.12.2014). Среди экспедиционных фотографий, выполненных С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым, имеется изображение храмового комплекса села Кубенского, ныне уже утраченного. «Церковь в селе Кубенском (Волог[одской] губ[ернии] и у[езда])» (ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 1).
- 10 В селе Кубенском Кубенской волости Вологодского уезда и губернии был записан разнообразный музыкальный материал. От крестьянки Наст[асьи] Вас[ильевны] Кулагиной, 40 лет, причитания, связанные с обрядовым символом «красоты»: «Ой да красота ли да моя да кра[сота»] [Песни русского народа ..., 1899, № 5, с. 61]; «А да на проходе день меженной» [Там же. № 6, с. 62–63]. Крестьянки Марья Ив[ановна] Гусева, 60 лет, девицы Ал[ександра] Сем[еновна] Кучина и Марья Алекс[еевна] Финова (возраст не указан) исполнили свадебную песню «Гуси, вы гуси, лебеди», которая звучала «на сговорах» [Там же. № 10, с. 96–97]; лирическую («любовную») «Да што цвели-то, цвели» [Там же. № 7, с. 198–200]; песни, связанные с хореографическим движением: «Во лузях» [Там же. № 4, с. 145–146]; «Уж мне надобно сходить» [Там же. № 7, с. 150–152]; «А мы вечор просу сеяли» [Там же. № 11, с. 155–156]; «Не летай, соловей» [Там же. № 13, с. 157–158].
- 11 Мшаник неотапливаемая постройка или помещение, предназначенное для хранения съестных припасов, зимовки животных, пчел, рубленые стены которого проконопачены мхом.
- 12 Почтовая / земская станция в прошлом почтовое учреждение в России, где отдыхали проезжающие (пассажиры), меняли по-

- чтовых лошадей и другие средства передвижения, производили обмен почтой. В некоторых губерниях конная почта была передана в ведение земства.
- 13 «Сямский монастырь возник в 1524 г., когда парализованному крестьянину Ивану Родионову явилась Пресвятая Богородица и исцелила его. После этого чуда прихожанами Покровской Сямской церкви построен монастырь в Сяме. Монастырская церковь освящена в честь Рождества Пресвятой Богородицы в 1525 г. После разорения монастыря литовцами в 1612 г. построены две деревянные церкви: Богородицерождественская холодная и Параскевинская теплая с приделом Положения Ризы Богоматери. По писцовым книгам 1624 г. на территории монастыря находилась келья игуменская и 12 келий братских. Вотчину монастыря составляли сельцо Долгая Поляна, деревни Исаково, Бубырево, Брюхачево, пустоши Игумнов починок и Яковище». Монастырь восстанавливался после двух пожаров — 1642 г. и 1690 г. На начало XX в. на территории монастыря находилась каменная с колокольней в одной связи двухэтажная пятиглавая церковь (построена в 1764–1777 гг.), верхний холодный храм — Рождества Пресвятой Богородицы, нижний теплый — Благовещения Пресвятой Богородицы, придел внизу справа освящен во имя Рождества Иоанна Предтечи. Новая колокольня построена в 1854 г. «Монастырь окружала каменная ограда с тремя башнями по углам и двумя воротами на восточной и южной стороне». См.: Македонская Н. М. Сямский Богородицерождественский мужской монастырь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http:// parishes.mrezha.ru/library.php?id=261 (дата обращения: 01.12.2014).
- 14 В селе Нефедово Нефедовской волости Вологодской губернии 15 июня 1893 года собиратели беседовали с крестьянками Тат[яной] Ива[ановной] Глебовой, 33 лет, и Любавой Степ[ановной] Жигиной, 21 года. От них были записаны свадебные песни: «Из-за лесу-лесу темного» [Песни русского народа ..., 1899, № 12, с. 98–99]; свадебные величания: «Таки нет такого молодца» «новобрачным» [Там же. № 34, с. 128]; «Ты кудрявчик, кудрявчик» «молодому» [Там же. № 38, с. 133]. Пели также крестьянин Сосипатр Яков[левич] Суворов, 52 лет, «с двумя товарищами». Из лирических песен были исполнены следующие: «Ночи темны, тучи грозны по поднебесью летят» «воинская» [Там же. № 44, с. 251]; «Сидел ворон на березе, кричал ворон на войну» «тюремная»

- [Там же. № 54, с. 268]. Составители отмечают вариант этой песни в сборнике Ф. М. Истомина и Г. О. Дютша [Песни русского народа . . . , 1894, № 53, с. 231–232].
- 15 В селе Березниково (С. М. Ляпунов использует наименование «Березники») Березниковской волости Вологодской губернии собирателям пели крестьянки Анна Алекс[андровна] Мельгунова, 46 лет, и Параск[овья] Ив[ановна] Ивнягова, 61 года, «с 8 певицами от 17 до 60 лет». Среди сделанных записей: «Мне стать, молодешеньке» причитание невесты, «как встанет поутру в свадебный день» [Песни русского народа ..., 1899, № 9, с. 67–69]; «Уж мне дайте-тко добратися до свата перелешника» «свату припевают» [Там же. № 15, с. 79–80]; «Уж мне дайте-тко добратися до приезжой до свахоньки» текст причитания, «свахе припевают», «на тот же напев» [Там же. № 15а, с. 80]; лирическая песня «Ходил, гулял по Дону козак молодой» «семейная» [Там же. № 34, с. 235–236].
- 16 В селе Новленском Новленской волости Вологодского уезда и губернии среди «старичков», о которых упоминает Ляпунов Петр Иван[ович] Тюнев, 72 лет, «с 7 товарищами, от 56 до 72 лет». В Новленском были записаны лирические песни «Не една-то ли в поле дорожка» [Там же. № 15, с. 209–210]; «Ваня клюшничек» «У того ли-то было у князя у Волхонского» [Там же. № 32, с. 232–233].
- 17 «Возник Спасо-Каменный монастырь около 1260 г. Его основателем был князь Глеб Василькович, первый из князей самостоятельного Белозерского княжества. Предание об основании монастыря рассказывает, как князь Глеб, плывя из Белоозера в Великий Устюг, был застигнут в пути на Кубенском озере сильной бурей. Судно его прибило к маленькому островку, называемому Каменным. В честь своего спасения он "посла мужи древоделя и постави церковь древяную", устроив здесь монастырь. В XV в. процветающая обитель уже имела многочисленные деревянные кельи и трапезную, а церковь была украшена "узорочьем дивным", имела в своем интерьере "чудные иконы и книги". Однако сильный пожар в 1478 г. превратил в пепел все строения монастыря. В том же 1478 г. удельный князь Андрей Меньшой, брат Ивана III, владевший Вологдой, Кубеной и Заозерьем, начинает сооружение нового каменного Спасо-Преображенского собора и заканчивает его возведение в 1481 г. Это был первый монументальный храм в северных землях Руси. <...> Единственно сохранившийся памятник архитектуры Спасо-Каменного монастыря — Успенская церковь,

первоначально объединявшаяся с трапезной палатой (последняя утрачена). Построены они обе в 1543–1549 гг. двумя ростовскими зодчими — Пахомием Горяиновым и Григорием Борисовым». См.: Бочаров Г. В., Выголов В. П. Вологда, Кириллов, Ферапонтово, Белозерск. М., 1979, 295 с. (Художественные памятники XII–XIX вв.) // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/vyg/olov/8.htm (дата обращения: 01.12.2014).

- 18 Озеро Кубенское одно из крупнейших озер на Вологодчине. В прошлом оно представляло большую опасность для корабельщиков.
 19 «Преподобный Иоасаф происходил из княжеского рода. Родите-
- ли его владетельный князь Димитрий Васильевич Заозерский Меньшой и княгиня Мария. Удел князя Димитрия Заозерье, небольшой и очень богатый, находился на северо-восточном берегу Кубенского озера, близ устья реки Кубены, впадающей в озеро». В 1429 г. князь Димитрий Васильевич Заозерский был убит в Ярославле казанскими татарами во время их набега на приволжские города. В 1452 г., имея за 20 лет от роду, князь Андрей приходит в Каменный монастырь, где игумен постриг его в монашество и нарек Иоасафом, вероятно, в честь святого Иоасафа царевича, который также происходил из владетельного рода и оставил мир ради Христа. Не довольствуясь обычными иноческими подвигами, преподобный решил жить в безмолвии, посте и воздержании. Пять лет подвизался преподобный в Спасо-Каменном монастыре, в 1457 г. он скончался. По преставлении преподобного Иоасафа начались чудеса при его гробе. Местное празднование преподобному Иоасафу установлено было вскоре после его кончины. См.: Житие Преподобного Иоасафа, Каменского, Вологодского чудотворца // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/i/23-.Ioasaf-Kamenskii (дата обращения: 01.12.2014).
- 20 «Блаженный Василий Каменский жил в XV веке, был иноком Спасо-Каменного монастыря, находившегося на острове Кубенского озера (недалеко от Вологды). При раке его мощей, устроенной впоследствии в церкви в честь святого Василия Блаженного, Московского, находились икона святого Василия Каменского во весь рост, тяжелые железные вериги и шапка из железных полос». См.: Сведения о житии Блаженного Василия Каменского // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/v/15avg.blzh.Vasilii_Kamenskii (дата обращения: 01.12.2014).

- 21 «В 1876 году на острове с разрешения епархиального начальства Императорским российским обществом спасения на водах была открыта первая и единственная в губернии спасательная станция. <...> На острове было установлено два маяка. Один на крыше домика спасательной станции, другой на крыше двухэтажного корпуса братско-настоятельских келий. Этот маяк был разрушен в 1915 году вынесенными с озера огромными льдинами, проломившими крышу. На монастырской колокольне в непогоду ударяли в колокол. Этот колокол весом в пять тонн был отлит в Санкт-Петербурге из гильз, оставшихся после войны 1812 года». См.: Спасо-Каменный монастырь // Культура в Вологодской области. URL: http://cultinfo.ru/tour/index.php?id=69 (дата обращения: 01.12.2014).
- ²² Александро-Куштский монастырь находится в Кадниковском уезде, к северу в 40 верстах от города Вологды. Монастырь этот основан в начале XV столетия Преподобным Александром, современником Преподобного Дионисия Глушицково. В 1764 г. он упразднен и обращен в приходскую церковь. В этом состоянии Александро-Куштская церковь находилась до 1833 г., в котором сделана бесприходною и приписана к Спасопреображенской Белавинской пустыне. Ныне в этом монастыре две церкви: деревянная во имя Успения Богоматери и каменная двухэтажная (построена в 1835 г.). См.: Вологодская старина: Историкоархеологический сборник / Сост. И. К. Степановский. Вологда, 1890 // Вологодская областная универсальная научная библиоте-ка. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/ste/pan/ovs/kyv/olo/gda/54. htm (дата обращения: 01.12.2014). Данное С. М. Ляпуновым описание святынь, связанных с именем преподобного, и, в частности, сведения о деревянном кресте, поставленном Александром Куштским в лесу на берегу реки Кушты, можно отнести к числу народных преданий. В канонических церковных источниках крест упоминается несколько в ином контексте. В житии преподобного Александра, игумена Куштского, говорится о том, что, подойдя к озеру и погрузив крест в воду, преподобный молил Господа, чтобы он собрал в обители ревнителей крестного пути. См.: Житие Преподобного Александра, игумена Куштского // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/a/AlexKy.html (дата обращения: 01.12.2014).
- ²³ Каменная Александровская (Николаевская) церковь построена в 1835 г. В нижнем этаже престол во имя Святого Николая Мирликийского, в верхнем — во имя Преподобного Александра Кушт-

- ского; на месте левого клироса под балдахином устроена медная посеребренная гробница Преподобного Александра. См.: Вологодская старина: Историко-археологический сборник / Сост. И. К. Степановский. Вологда, 1890 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/ste/pan/ovs/kyv/olo/gda/54.htm (дата обращения: 01.12.2014).
- 24 Такое восприятие звучания народных песен было связано, вероятно, с недостаточным слуховым опытом Ляпунова в первые дни работы экспедиции. Вместе с тем, композитор высоко оценивает значимость обрядовых напевов причитаний и свадебных песен в дальнейшем.
- ²⁵ «Дедовская Троицкая мужская пустынь, приписанная к Троицкому Спасо-Суморину монастырю Вологодской губернии Тотемского уезда, в 7 верстах к юго-западу от Тотьмы, на острове реки Сухоны, издавна называемом Дедовским. Основана в конце XVII столетия на месте явления иконы Святой Троицы Иоанну (в иночестве Иона), духовнику Тотемского воеводы Федора Авраамовича Лопухина, отца царицы Евдокии. В 1764 г. пустынь была предназначена к упразднению, но по просьбе граждан оставлена с одним священником и причетником, наконец, в 1832 г. со всеми принадлежащими ей угодьями приписана к Спасо-Суморину монастырю». См.: Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб., 1892. Цит по: Македонская Н. М. Дедова Троицкая мужская пустынь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=325 (дата обращения: 01.12.2014).
- 26 Дальнейший текст представляет собой фрагмент, который в рукописи располагается на Л. 15 об.–16 об. Помета Ляпунова «К главе 3-й» и содержание текста позволяют перенести его в раздел 3 «Тотемский уезд».
- ²⁷ «Буцят» диалектное «бучат». Бучение обработка белья при кипячении в мыльно-щелочном растворе при температуре сто градусов для дезинфекции и удаления трудносмываемых загрязнений.
- ²⁸ Окончание вставки фрагмента, располагающегося в рукописи на л. 15 об.–16 об.
- 29 В деревне Мумаихе Бабозерской волости Тотемского уезда Вологодской губернии собиратели работали с крестьянином Эпимахом

Иванов[ичем] Кожевниковым, 53 лет, и крестьянкой Анной Ив[ановной] Шиловой, 50 лет, от которых были записаны причитания: «Ой, благослови меня, Γ осп[оди]» — «как просватают» [Песни русского народа ... , 1899, № 2, с. 56–59]; «Ой ты зайди, зайди на небе» — «как в "байну" ведут» [Там же. № 8, с. 65–67]. Следует заметить, что факт записи причитания от певца-мужчины вызывает сомнения. Возможно, причитала только А. И. Шилова. Песни других жанров записывались от крестьянки Матр[ены] Федор[овны] Шиловой, 50 лет, «с тремя пожилыми певицами». Среди записей — свадебные песни: «А што не от лесу, лесу» — «как по невесту приедут» [Там же. № 23, с. 115–116]; «Изопьем пиво пьяное» — «во время красного стола» [Там же. № 32, с. 126], а также песни протяжные: «Што вились, вились мои русы кудерцы» — «рекрутская» [Там же. № 41, с. 247–248), «Все-ти поля изукрашены» — «воинская» [Там же. № 45, с. 252].

- Бабозерская (Бабьеозерская) Николаевская мужская пустынь находилась на восточном берегу озера Бабье в Тотемском уезде. Ныне урочище Погост Рослятинского поселения Бабушкинского района Вологодской области. Пустынь была основана в 1605 г. иноком Маркушевского монастыря Сергием. Каменная одноэтажная церковь с колокольней построена в 1808 г. тотемским купцом Иоанном Андреевичем Кузнецовым. Престолы: святителя Николая Мирликийского в холодном храме, преподобного Феодосия Тотемского в теплом храме справа, великомученицы Параскевы Пятницы в теплом храме слева. См.: Македонская Н. М. Бабьеозерская (Бабозерская) Николаевская мужская пустынь // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=307 (дата обращения: 01.12.2014).
- 31 В деревне Харино(а) Тотемского уезда Бабозерской волости Вологодского уезда записи песен производились от крестьян Степ[ана] Фрол[овича] Сидорова, 36 лет, «с 6 товарищами от 30 до 40 лет», и крестьянки Агафьи Сем[еновны] Худяковой, 87 лет, «с тремя старушками 70, 73 и 74 лет». Исполнялись песни, связанные с хореографическим движением: «Вот с-по лугу, лугу» [Песни русского народа ..., 1899, № 17, с. 163]; «Над рекою да над быстрою» [Там же. № 19, с. 165–166]; лирические песни: «Э, под яблонькой было» «семейная» [Там же. № 31, с. 231]; «На зоре-то было да на утренной» [Там же. № 36, с. 239–240]; «Ой да не белый да белы снежки» [Там же. № 38, с. 242–243]; «Солнцё закатилось за темные

- леса» [Там же. № 49, с. 258–259]. Фотографии, о которых упоминает С. М. Ляпунов, не сохранились.
- 32 Былина «Илья Муромец и царь Куркас» записана от крестьянина Александра Ив[ановича] Безвытного, 67 лет. В истории фольклористики нотация С. М. Ляпунова осталась единственным свидетельством музыкальных особенностей этого жанра в вологодской традиции. См.: [Иванова, 2001, с. 115, 132; Лобкова, 2001, с. 425–439; Лобкова, 2002, с. 152–153]. Переиздание напева, а также вариант его современной редакции представлены в изд.: [Народная традиционная культура Вологодской области ..., 2005, с. 243–244].
- ³³ Такие полотенца использовались в качестве важных обрядовых атрибутов при совершении свадебного и похоронного ритуалов.
- ³⁴ Подчеркивание С. М. Ляпунова. Местность Кокшеньга часть древнего Заволочья, упоминается в древнерусской берестяной грамоте. Русское население на этой территории появляется в X–XI вв. «До начала XII века между Великим Новгородом и ростово-суздальскими князьями серьезных споров из-за Заволочья не возникало. Проникновение же ростовцев в район Белого озера, Сухоны, Кокшеньги и чудского Гледена вызвало тревогу и недовольство новгородцев. Между "низовскими" князьями и Великим Новгородом начались ссоры и даже военные столкновения». В середине XIII в. на Кокшеньгу «хлынул поток русских беженцев, уходивших в одиночку и семьями из разоренных татарами "низовских" княжеств. Именно в это время Кокшеньга стала полниться русским населением. Значительное число беженцев поселилось по берегам рек Уфтюги, Поцы, Лохты, Шебеньги, в верхнем течении Кокшеньги, на Илезе и в верховьях Устьи — местах глухих и труднодоступных. Волна "низовской" колонизации была стихийной, но мирной». См.: Угрюмов А. А. Кокшеньга: Историкоэтнографические очерки. Вологда, 2003 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/ fulltext/kok/she/nga/ugru/mov/1.htm#9 (дата обращения: 01.12.2014).
- 35 Подчеркивание С. М. Ляпунова.
- 36 Заглавные буквы обозначены С. М. Ляпуновым.
- 37 Дмитрий Юрьевич Шемяка (начало XV в.–1453) Великий князь Московский, сын Великого князя Московского Юрия Дмитриевича, один из главных участников Междоусобной войны второй четверти XV в. «Прозвище "Шемяка" скорее всего, восходит к татаро-монгольскому "чимэху", что означает "украшать", а отсюда

- "чимэк" "украшение, наряд"». См.: Зимин А. А. Витязь на распутье: феодальная война в России XV в. М., 1991 // Библиотека Annales. URL http://annals.xlegio.ru/rus/zimin/zim1_02.htm (дата обращения: 01.12.2014).
- ³⁸ Василий III Иванович (1479–1533) Великий князь Владимирский и Московский, сын Ивана III Великого и Софии Палеолог, отец Ивана IV Грозного.
- 39 При Иване IV Грозном Кокшеньга входила в опричнину. См.: Угрюмов А. А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. Вологда, 2003 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/ nga/ugru/mov/1.htm#9 (дата обращения: 01.12.2014).
- 40 Подчеркивание С. М. Ляпунова.
- 41 Из 10 песен, указанных С. М. Ляпуновым, опубликовано было только 6. В деревне Монастырской (погост Маркушевский) Бережнослободской волости Тотемского уезда Вологодской губернии записи производились от крестьянки Акс[иньи] Степ[ановны] Вахниной, 30 лет, и девицы Марии Конст[антиновны] Вахниной, 20 лет, «с 14 певицами от 19 до 50 лет». Были исполнены причитания: «Не охота мне, батюшко» — «как за стол садят» [Песни русского народа ..., 1899, № 12, с. 75]; «Мой кормилец-от, батюшко» — «как из-за стола выводят», «на тот же напев» [Там же. № 12, с. 75–77]; свадебные песни: «Из по городу, по городу» — «во время красного стола» [Там же. № 31, с. 125]; «Бласлови меня, хозяин, бласлови, господин, виноградие, краснозеленое» — «величальная», «новобрачным» [Там же. № 33, с. 127–128]. От этого же ансамбля зафиксирована хороводная песня «Ой пошол круг города цярев сын» [Там же. № 9, с. 153–154]. От мужского ансамбля в составе: крестьянин Григ [орий] Варсанофьев с товарищами — записана протяжная песня «Попридумал доброй молодец — «любовная» [Там же. № 19, с. 213–214].
- 42 В деревне Игумново Шевденицкой волости Тотемского уезда Вологодской губернии были записаны причитания, связанные с различными обрядовыми ситуациями, от крестьянки Алекс[андры] Курильиной Кузьминой, 44 лет: «Благослови миня, Господи» «как просватают» [Песни русского народа ... , 1899, № 1, с. 55]; «Не сама ли ты ви[дела]» «перед приездом жениха» [Там же. № 11, с. 73–74]; «Ох(и) ти! Цветоцек баской яблуцек» «рекрутское» [Там же. № 17, с. 82–83]; «Ох(и) ти как и тошнехонько!» —

- «похоронное». Песни, связанные с хореографическим движением, были исполнены большим мужским ансамблем в составе: крестьяне Андрей Фед[орович] Зыков, 47 лет, Вас[илий] Пет[рович]. Пешков, 50 лет, и Конст[анстин] Степ[анович] Силенский, 55 лет, «с 6 товарищами от 33 до 57 лет». Среди песен следующие: «Ай, за тыном было, за тыныцьком» «первый кружок», («сборная») [Там же. № 1, с. 141); «Ах и во лузях» «как наберут» [Там же. № 3, с. 143–144]; «Да пошол круг города царев сын» [Там же. № 10, с. 154–155]; «С-по лугу, лугу вот и розлилась» «троицкая» [Там же. № 18, с. 164]; «Ляли, ляли, лялюшки, вдоль было по травки» плясовая [Там же. № 14, с. 159–160]. От мужского состава были записаны лирические песни: «Весел-то я, весел севоднешной день» [Там же. № 16, с. 210–211]; «День биленек, да коротенек» [Там же. № 20, с. 215–216]. Из 14 песен, на которые указывает С. М. Ляпунов, опубликовано 11.
- 43 Речь идет о деревне Салтыковской (Башевской) Спасской волости Тотемского уезда Вологодской губернии. От крестьянина Вельского уезда Пот[апа] Тим[офеевича] Братаева, 44 лет, был записан духовный («нищенской») стих «Вознесенье» [Песни русского народа ..., 1899, № 1, с. 3-4]. От крестьянки Лизав[еты] Лаверовны Кичигиной, 32 лет, записаны причитания: «Ой дак не красота не хо[рошая]» — «как просватают» [Там же. № 4, с. 60]; «Ой да приходил да ска[зывал]» — «на пиру к пиву припевают холостым» [Там же. № 14, с. 78]; "О-ой, да эдак на синем-то море» — «рекрутский [плач]» [Там же. № 16, с. 81]. От девицы Лиз[аветы] Вас[ильевны] Поповой, Марьи Вас[ильевы] Кичигиной и Авг[усты] Елпидифор[овны] Рязановой с 5 подругами были записаны песни, связанные с хореографическим движением: «Ой за тынком-то ли было за тыноцьком» — «первый кружок» [Там же. № 2, с. 142]; «Как на нашой на сторонки» [Там же. № 5, с. 146–148]; «Я во садик пошла» — «плясовая» [Там же. № 16, с. 162]; «Ой да я бежу, бежу по по́женке» — «плясовая», «ивановская» [Там же. № 20, с. 167]. От мужского дуэта — крестьян Абр[ама] Андр[еевича] Сухарева, 60 лет, и Селивестра Вас[ильевича] Рязанова, 60 лет, была записана лирическая песня «А да как вились, вились, вились у молодця» [Там же. № 42, с. 248–249].
- ⁴⁴ Борушка головной убор замужней женщины, полностью скрывающий волосы. Название головного убора связано со способом оформления верхней части, собранной в сборку.

- ⁴⁵ Головодец девичий головной убор в форме короны, обрамляющий голову и оставляющий затылок непокрытым. В таком головном уборе, украшенном парчовой нитью, жемчугом, бисером, цветами и серебряными монетами, девушка выходила замуж.
- 46 У С. М. Ляпунова написание с заглавной буквы.
- ⁴⁷ Раскольники появились в Кокшеньге в конце XVII в. Несмотря на преследования, они оставались здесь до XX столетия. См.: Угрюмов А. А. Кокшеньга: Историко-этнографические очерки. Вологда, 2003 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/kok/she/nga/ugru/mov/4.htm (дата обращения: 01.12.2014).
- ⁴⁸ В кокшеньгской традиции к годовым храмовым праздникам варили много домашнего пива: бедняки ведер 30, более же зажиточные до 80 и 100 ведер. О праздновании храмовых праздников в 60-е гг. XIX в. на Кокшеньге сообщалось, что пиршества во время местных храмовых или общепринятых праздников продолжались от 3 (в рабочее время) до 10 (в свободное) дней. См.: Там же.
- 49 Церковь Преображения Всемилостивого Спаса была первым православным храмом в Кокшеньге, упоминание о ней относится к 1435 г. По названию этого храма вся округа стала зваться Спасами: Верхний Спас и Нижний Спас. На Спасском погосте проводились двухнедельные крещенские ярмарки, где молодежь устраивала гулянья. См.: Там же.
- 50 Второй храм Спасского погоста каменный Спасо-Преображенский собор, построен в 1888 г. См.: Пьянкова Н. С. Исчезающие храмы Тарноги // Православные приходы и монастыри Севера. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=133&pn=2 (дата обращения: 01.12.2014).
- 51 Прокопий Устюжский блаженный (юродивый во Христе) чудотворец, в 1547 г. Московский Собор причислил праведного Прокопия к лику святых. Прокопий удалился в Хутынский монастырь, незадолго пред тем основанный (1192 г.) и славившийся строгостью устава и святостью жизни своих иноков. Через некоторое время, раздав все свое имущество, Прокопий вышел монастыря и в своих странствиях добрался до Устюга. Появление в городе неизвестного юродивого с кочергами или деревянными клюками в руках и едва прикрытого рубищем скоро обратило на него внимание жителей, он сделался предметом насмешек и поругания. Однако юродивый остался в городе навсегда. Долго скитаясь

по городу, везде гонимый и оскорбляемый, праведный Прокопий избрал наконец местом постоянного своего жительства угол паперти огромного высокого соборного храма Успения Божией Матери, срубленного из дерева. Здесь стал он пребывать лето и зиму, не опуская ни одной церковной службы, ночи проводил в молитвах, а днем юродствовал по улицам города. См.: Житие Святого Блаженного Прокопия, Устюжского чудотворца // Русские святые. URL: http://www.saints.ru/p/prokopiy_ustug.html (дата обращения: 01.12.2014).

- 52 Чалка причальный канат, трос для речного судна. 53 Подчеркивание С. М. Ляпунова. Опоки знаменитый геологический разлом, одноименные деревня и самый длинный и опасный порог на реке Сухоне. В древнерусском языке слово «опока» означало «скала». «Ещё в начале XX века, чтобы провести суда через Опокские перекаты, созывались окрестные крестьяне: от пятидесяти до ста человек впрягались в бурлацкие лямки, удерживая судно на фарватере, уберегая его от ударов о камни». См.: Котов А. Ю. Опоки // Новая экономика — новое общество: материалы науч.-практ. конф. Вологда, 2009. Вып. 4. С. 30-32 // Вологодская областная универсальная научная библиотека. URL: http:// www.booksite.ru/natural/4_st-9.html# (дата обращения: 01.12.2014).
- ⁵⁴ «Деревянный домик Петра I был построен в 1702 г. на острове Маркове в устье Северной Двины, близ впадения ее в Белое море. В этом специально для него построенном доме царь прожил два месяца, наблюдая за постройкой Новодвинской крепости, которая должна была защитить город Архангельск, единственный в то время морской порт России, от ожидавшегося нападения шведского флота. Простой деревянный дом имеет три теплых жилых помещения с холодными сенями между ними. Особенность дома большое количество окон, что дало повод современникам называть царское жилище "государевыми светлицами". В XIX веке дом Петра перевезли в Архангельск. Для обеспечения сохранности над памятником возводится деревянный "футляр", который позже был заменен на кирпичный "футляр-павильон". В послереволюционные годы возникла угроза уничтожения исторического памятника, поэтому в 1934 г. П. Д. Барановский привез его в Коломенское». См.: Домик Петра I, XVIII в. («Строитель, плаватель, герой...»), ансамбль усадьбы Коломенское // Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и при-

- родно-ландшафтный музей-заповедник. URL: http://mgomz.ru/pamyatniki/domik-petra-i-xviii-v-gosudarevyi-svetlitsyi (дата обращения: 01.12.2014).
- ⁵⁵ Музей был основан в 1837 г.
- ⁵⁶ Нельма рыба рода сиговых, подвид белорыбицы. Распространена в бассейне Северного Ледовитого океана.
- 57 Мысль сооружения памятника М. И. Ломоносову в Архангельске принадлежит Преосвященному Епископу Архангельскому Неофиту. Бывший в то время генерал-губернатором Архангельским, Вологодским и Олонецким Степан Иванович Меницкий в январе 1825 г. распорядился объявить о сборе пожертвований на изготовление памятника, позже была открыта подписка. В числе пожертвований заключалось и 5000 рублей. пожалованных государем императором Николаем Павловичем. Проект памятника был выполнен Иваном Петровичем Мартосом (ректор Академии Художеств), утвержден Николаем І. Памятник был отлит литейщиком Академии Якимовым из бронзы. Гранит для пъедестала был привезен из Финляндии. 25 июня 1832 г. памятник был открыт. Место памятника на карте города Архангельска было назначено собственноручно Николаем І. См.: Сооружение памятника Ломоносову // Двиноважье. История и культура Виноградовского района. URL: http://dvinovaje.ru/news/sooruzhenie_pamjatnika_ lomonosovu/2012-11-28-61 (дата обращения: 01.12.2014).
- ⁵⁸ Далее в рукописи следует фрагмент «К главе 3-й», помещенный в данном варианте изложения текста в разделе «3. Тотемский уезд».
- 59 Полой диалектное наименование, обозначающее ответвление русла реки.
- 60 В селе Вознесенском Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда записи производились от крестьян Пав[ла] Степ[ановича] Папулина, 73 лет, и Вас[илия] Андр[еевича] Останина, 50 лет, с тремя товарищами. Были исполнены лирические песни: «Девушка да мила́я» [Песни русского народа ..., 1899, № 4, с. 195–196]; «Не ясе́н-то ли сокол» [Там же. № 12, с. 205]; «Красива девушка с-по садику гуляла» [Там же. № 22, с. 218–219]; «Ходил Ваня по подлесу» [Там же. № 28, с. 227]. Нотация наигрыша на рожке не вошла в сборник, но сохранилась в Записной книжке № 12 (ОР НБ. Ф. 451. Ед. хр. 12. Л. 5 об.).
- 61 Первое письменное упоминание о Черевковской волости относится к 1519 году. «Первое комплексное описание Черевковской

Список основной литературы

- 1. Алексеев Э. Е. Нотная запись народной музыки: теория и практика. М., 1990. 167 с.
- 2. Балакирев М. А. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / Ред., предисл., исслед. и примеч. проф. Е. В. Гиппиуса. М., 1957. 375 с.
- 3. Бернштам Т. А., Лапин В. А. Виноградье песня и обряд // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3–109.
- 4. Балашов Д. М., Марченко Ю. И., Калмыкова Н. И. Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшень-ге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области) / Муз. ред.-сост. А. М. Мехнецов. М., 1985. 390 с.
- 5. Браз С. Л. Песни земли вятской. М., 2001. 224 с.
- 6. Браз С. Л. Песни реки Лузы. М., 1977. 34 с.
- 7. Валовая М. А., Поздеев В. А. Духовные стихи // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В. А. Поздеев. Киров, 1998. С. 476–500.
- 8. Вятка-река. Песни из репертуара фольклорного ансамбля «Слобода», записанные в Кировской области / Сост.: И. А. Холманских, В. Ю. Холманских. Киров, 2004. 52 с.
- 9. Вятка-река. Песни из репертуара фольклорного ансамбля «Слобода», записанные в Нагорском районе Кировской области / Сост.: И. А. Холманских, В. Ю. Холманских. Киров, 2007. Вып. 2. 72 с.
- 10. Вятка-река. Песни Афанасьевского района Кировской области (по материалам фольклорной экспедиции 2008 года) / Сост.: И. А. Холманских, В. Ю. Холманских. Киров, 2011. Вып. 3. 164 с.
- 11. Вятский родник: Сборник вятского фольклора Нолинского и Уржумского районов Кировской области. Киров, 2011.
- 12. Вятский родник: Сборник материалов одиннадцатой научнопрактической конференции. Киров, 2012. 112 с.
- 13. Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии // Энциклопедия земли Вятской: [В 11 т.]. Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В. А. Поздеев. Киров, 1998. С. 329–335.
- 14. Ефименкова Б. Б. Севернорусская причеть. Междуречье Сухоны и Юга и верховья Кокшеньги (Вологодская область). М., 1980. 392 с.

- 15. Зайцева Т. А. К истории создания торжественной увертюры на русские темы С. М. Ляпунова. По материалам его переписки с М. А. Балакиревым // Театр и литература. СПб., 2003. С. 247–262.
- 16. Зайцева Т. А. Балакирев и Ляпунов (А тот, кого учителем считаю) // Наше святое ремесло: Памяти В. В. Нильсена / Ред.-сост. и авт. вступ. ст. Т. А. Зайцева. СПб., 2004. С. 255–286.
- 17. Иванова Т. Г. Специфика фольклористической текстологии // Русский фольклор: Проблемы текстологии фольклора. СПб., 1991. Т. 26. С. 5–21.
- 18. Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001. 455 с.
- 19. Иванова Т. Г. История русской фольклористики XX века: 1900 первая половина 1941 гг. СПб., 2009. 800 с.
- 20. Кэрролл Л. Дневник путешествия в Россию в 1867 году / Пер. с англ., коммент. и предисл. Н. М. Демуровой. М., 2014. 127 с.
- 21. Линева Е. Э. Дневник путешествия по селам Вологодской губернии / Предисл., публ., примеч. Д. В. Смирнова // Живая старина. 2009. № 1. С. 43–46.
- 22. Лобкова Г. В. Особенности эпических напевов Вологодской области // По следам Е. Э. Линевой: Сборник научных статей. Вологда, 2002. С. 150–185.
- 23. Лобкова Г. В. Черты стиля эпических напевов Русского Севера (образцы северодвинских, вологодских и приуральского напевов и комментарии к ним) // Иванова Т. Г. «Малые» очаги севернорусской былинной традиции: Исследование и тексты. СПб., 2001. С. 395–453.
- 24. Лобкова Г. В., Шейченко М. Н. Поминальные обряды сорокового дня в традиционной культуре мари // Вятский родник: Сборник материалов одиннадцатой научно-практической конференции. Киров, 2012. С. 36–42.
- 25. Львов И. Я. Новое время новые песни: (О повороте в народной поэзии). Устюг, 1891.
- 26. Ляпунов С. М. Русские народные песни. Для голоса в сопровождении фортепиано / Вступ. ст. А. С. Ляпуновой; под ред. Е. В. Гиппиуса. [М.], 1963. 183 с.
- 27. Ляпунова А. С. Предисловие // Ляпунов С. М. Русские народные песни. Для голоса в сопровождении фортепиано / Под ред. Е. В. Гиппиуса. [М.], 1963. С. 1–5.

- 28. Ляпунова А. С. Из истории творческих связей М. Балакирева и С. Ляпунова (По материалам переписки) // М. А. Балакирев. Исследования и статьи. Л., 1961. С. 388–420.
- 29. Марченко Ю. И. Из ранних записей групповой причети на Русском Севере. Публикация Ю. И. Марченко // Из истории русской фольклористики: Сборник научных трудов. Л., 1990. Вып. 3. С. 136–155.
- 30. Марченко Ю. И. Исторический ракурс изучения севернорусской песенной культуры и современное состояние местных фольклорных традиций // Из истории русской фольклористики: Сборник научных трудов. СПб., 1998. Вып. 4–5. С. 298–337.
- 31. Маслов А. [Рец. на сб.:] Песни русского народа, собранные экспедицией Имп. Русск. геогр. общества в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы: С. М. Ляпунов. СПб, 1899 // Труды Музыкально-этнографической комиссии, состоящей при Этнографическом отделе Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1906. Т. 1. С. 520.
- 32. Народные песни Вологодской области: Песни Средней Сухоны (по материалам студенческих фольклорных экспедиций) / Сост. А. М. Мехнецов. Л., 1981. 135 с.
- 33. Народная традиционная культура Вологодской области. Т. 1: Фольклор и этнография среднего течения реки Сухоны. Ч. 1: Песни, хороводы, инструментальная музыка в обрядах и праздниках годового круга / Сост., науч. ред., авт. проекта А. М. Мехнецов; авт. коллектив: А. М. Мехнецов, Г. В. Лобкова, И. В. Королькова, И. Б. Теплова, Г. П. Парадовская, Е. А. Валевская, Е. А. Пархомова, А. А. Мехнецов, Е. С. Редькова, И. С. Попова; отв. ред. Г. В. Лобкова; лит. ред. Е. А. Валевская. СПб.; Вологда, 2005. 448 с.
- 34. Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области / Сост. М. Л. Мазо. Л.; М., 1975. 63 с.: нот.
- 35. Онегина О. В. Фортепианное творчество С. М. Ляпунова. СПб., 2011. 275 с., нот.
- 36. Отчет об экспедиции для собирания русских народных песен с напевами в 1893 году Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова. (Читано в общем собрании ИРГО 10-го марта 1894 г.) // Известия Императорского Русского Географического Общества. 1894. Т. 30. С. 331–354.

- 37. Памяти Анастасии Сергеевны Ляпуновой: Сборник статей и материалов / Сост. и отв. ред. Т. 3. Сквирская. СПб., 2012. 303 с. (Петербургский музыкальный архив. Вып. 9). 303 с.
- 38. Песни Заонежья в записях 1880–1980 годов / Сост., предисл. и примеч. Т. В. Краснопольской. Л., 1987. 184 с.
- 39. Песни русского народа собраны в губерниях Архангельской и Олонецкой в 1886 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы Г. О. Дютш. СПб., 1894. 244 с.
- 40. Песни русского народа собраны в губерниях Вологодской, Вятской, Костромской в 1893 году / Записали: слова Ф. М. Истомин, напевы С. М. Ляпунов. СПб., 1899. 279 с.
- 41. 50 песен русского народа для мужского хора из собранных И. В. Некрасовым и Ф. М. Истоминым в 1894, 1895, 1896 и 1897 гг. / Положил на голоса И. В. Некрасов. СПб.: Песенная комисс. Рус. геогр. о-ва. 1901. VIII, 51 с.
- 42. Рамазанова Н. В. А. С. Ляпунова хранитель и исследователь музыкальных рукописей // Петербургский музыкальный архив: Сборник статей и материалов. СПб., 1999. Вып. 3. С. 6–15.
- 43. Русская мысль о музыкальном фольклоре: Материалы и документы / Вступ. ст., сост., коммент. П. А. Вульфиуса. М., 1979. 367 с., нот.
- 44. Русские народные песни (100), записанные с народного напева и аранжированные для одного голоса с аккомпанементом фортепьяно К. Вильбоа, текст под ред. Ап. Григорьева. СПб., 1860. 2-е изд. 1894.
- 45. Русские народные песни для одного голоса с сопровождением фортепиано / Перелож. С. Ляпунов. Ор. 10. СПб.; Лейпциг, [1900]. 59 с.
- 46. Сборник [статей] Т. И. Филиппова. СПб., 1896.
- 47. 40 народных песен, собранных Т. И. Филипповым и гармонизованных Н. А. Римским-Корсаковым. М.: П. Юргенсон, [ценз. 1882]. 62π .
- 48. Стасов В. В. Искусство XIX века // Стасов В. В. Избранные сочинения: В 3 т. М., 1952. Т. 3. С. 485–755.
- 49. Теплова И. Б. Духовное единение на почве веры: С. М. Ляпунов о православных традициях северно-русских крестьян // Древнерусское песнопение: Пути во времени. СПб., 2010. Вып. 4. С. 218–240.

- 50. Теплова И. Б. Песни святочных обходов дворов Вологодской губернии в записях С. М. Ляпунова // Источниковедение истории культуры / Ред.-сост. Э. А. ван Домбург-Окунева. СПб., 2012. Вып. 3. С. 98–107.
- 51. Теплова И. Б. С. М. Ляпунов: неизвестные материалы фольклорной экспедиции на Русский Север // Наследие: XVIII–XIX века: Сборник статей, материалов и документов / Сост. и ред. П. Е. Вайдман., Е. С. Власова. М. 2014. Вып. II. С. 352–363.
- 52. Теплова И. Б. С. М. Ляпунов // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск / Отв. ред. Т. Г. Иванова и А. Л. Топорков. М., 2010. С. 168–174.
- 53. Теплова И. Б. Слуховые записи фольклора экспедицией Песенной Комиссии ИРГО (1893 г.): К проблеме текстологического изучения // Традиционные музыкальные культуры на рубеже столетий: проблемы, методы, перспективы исследования. Материалы научно-практической конференции. М., 2008. С. 52–61.
- 54. Теплова И. Б. Фольклорный архив С. М. Ляпунова в собрании Отдела Рукописей Российской Национальной Библиотеки // Народная традиционная культура в образовательных программах и научных исследованиях: Сборник материалов Всероссийских конференций 2008–2010 годов / Науч. ред. Г. В. Лобкова, отв. ред. И. Б. Теплова. СПб., 2013. С. 233–248.
- 55. 35 песен русского народа для одного голоса с сопровождением ф.-п. из собранных в 1893 г. С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым / Перелож. С. Ляпунов. [Ор.13]. [СПб.]: Изд. Рус. геогр. о-ва [1901]. 95 с.
- 56. Чухломской фольклор: В 2 т. Т. 1: Фольклорно-этнографические материалы / Сост. С. В. Алпатов, О. Е. Антонова, Е. В. Борисов и др.; под ред. А. В. Кулагиной, В. А. Ковпика. М., 2012. 440 с.
- 57. Чухломской фольклор: В 2 т. Т. 2: Музыкальное и танцевальное традиционное искусство / Сост. Т. В. Кирюшина, А. И. Шилин. М., 2013. 320 с.
- 58. Шереметев П. С. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902. 180 с.
- 59. Шифман М. Е. С. М. Ляпунов: Очерк жизни и творчества. М., 1960. 142 с.
- 60. Яковлев В.И. Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья: Историко-этнографическое исследование. Казань, 2001. 320 с.

Список иллюстраций и нотных рукописей¹

- 1. Сергей Михайлович Ляпунов. 80-е годы XIX века. Научноисследовательский отдел рукописей научной музыкальной библиотеки Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова, № 283.
- 2. «Церковь Спаса Обыденного в Вологде». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 3.
- 3. «Церковь в селе Кубенском (Вологодской губ[ернии] и у[езда])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 1.
- 4. «Пустынь Св[ятого] Александра Куштского (Волог[одская] губ[ерния])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 2.
- 5. «Церкви в с[еле] Черевково (Сольвычег[одского] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 5.
- 6. «Строгановский собор в г[ороде] Сольвычегодске (Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 8.
- 7. «Белослудский погост (Сольвычег[одского] у[езда] Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 6.
- 8. «Монастырский собор в г[ороде] Сольвычегодске (Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 10.
- 9. «Набережная в Устюге с другой стороны (Вологод[ской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 13.
- 10. «Село Бобровское (Устюжск[ого] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 18.
- 11. «Каменная часовня в Котовалово (Устюжск[ого] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 17.

 $^{^{1}}$ № 2–8, 10, 12–20, 22, 24, 25 — фотографии, выполненные С. М. Ляпуновым и Ф. М. Истоминым; № 23 — фотография, выполненная Ф. М. Истоминым; № 27–34 — нотные рукописи С. М. Ляпунова. Подписи к фотографиям принадлежат С. М. Ляпунову.

- 12. «Деревянная часовня в Котовалово (Устюжск[ого] у[езда] Волог[одской] губ[ернии])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 16.
- 13. «Вятка». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 20.
- 14. «Вятка (Собор Александра Невского)». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 19.
- 15. «Вид слободы Кукарки Яранского у[езда] Вятск[ой] губ[ернии]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 21.
- 16. «Черемисская деревня близ станции Кикнур Яранского у[езда] Вятской губ[ернии]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 22.
- 17. «Базарная площадь в г[ороде] Ветлуге Костр[омской] губ[ернии]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 23.
- 18. «Церковь в селе Белышево (Костр[омской] губ[ернии] Ветлужск[ого] у[езда])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 24.
- 19. «В костромских лесах». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 26.
- 20. «Станция Куекша в костромских лесах». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 25.
- 21. «Ф. М. Истомин на Унже Костр[омская] губ[ерния]». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 28.
- 22. «Макарьевский монастырь (Костр[омская] губ[ерния])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 29.
- 23. «С. М. Ляпунов на Унже (Костр[омская] губ[ерния])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 27.
- 24. «По дороге близ Судиславля (Костр[омская] губ[ерния])». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 31.
- 25. «Кафедральный Успенский собор в г[ороде] Костроме». ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 404. Л. 32.
- 26. Титульный лист «Дневника путешествия» С. М. Ляпунова, автограф. ОР РНБ. Ф. 451. Ед. хр. 37. Л. 1.

Нотные рукописи:

- 27. «Ходил Ванюшка, Ваня по-под лесу» лирическая песня. Село Вознесенское Афанасьевской волости Сольвычегодского уезда Вологодской губернии. ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 12. Л. 3 об.
- 28. «Из-под славного-то Парижа собирался егерь» лирическая песня. Деревня Мумаиха Бабозерской волости Тотемского уезда Вологодской губернии. ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 9. Л. 3 об.
- 29. «На Иванушке невзгодушка была» лирическая песня. Село Макарьевское Киселевской волости Котельничского уезда Вятской губернии. ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 13. Л. 2.
- 30. «Пришел еси к воротам» «коляда». «Бабушка старушка, подай пирожка» «кота». Деревня Бобровское Востровской волости Устюжского уезда Вологодской губернии. ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 12. Л. 10.
- 31. «Стоял тоненькой зелененькой садок» хороводная песня. «Еше цвет-то русая коса» свадебная песня. «Ах ты вьюн ли ты мой веночек» рождественская песня. Село Селезениха Селезневской волости Вятского уезда и губернии (Записано в г. Вятке). ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 13. Л. 8.
- 32. «Ты хозяин, ты наш хозяин» лирическая песня. Деревня Новоуспенское (Холкино) Новоуспенской волости Ветлужского уезда Костромской губернии. ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 13. Л. 19.
- 33. «Ишше злое-то коренье то крапивное» лирическая песня. «Виноградная ягодка, наливно[й] яблоцек» свадебная песня. Деревня Сосновка Туранской волости Варнавинского уезда Костромской губернии. ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 13. Л. 22 об.
- 34. «Ишшо хто в пиру хорошенькой» свадебная песня. «Со вьюном я хожу» хороводная песня. Деревня Сосновка Туранской волости Варнавинского уезда Костромской губернии. ОР РНБ. Ф. 640. Ед. хр. 13. Л. 23.

Список сокращений

«Дневник С. М. Ляпунов «Дневник путешествия губернии Вологодскую, Вятскую, путешествия»

> Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами». Автограф.

> ОР РНБ. Ф. 451. Оп. 2. Ед. хр. 37. Л. 1–82.

Отдел рукописей Российской нацио-ОР РНБ

нальной библиотеки

Императорское Русское географическое ИРГО

общество

ФЭЦ СП6ГК Фольклорно-этнографический центр

имени А. М. Мехнецова Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова

Содержание

Теплова И. Б.	
Сергей Михайлович Ляпунов – собиратель	
и исследователь русского музыкального фольклора	3
T	
Ляпунов С. М.	
Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую,	
Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью	
собирания русских народных песен с напевами	59
Отчет об экспедиции для собирания русских	
народных песен с напевами в 1893 году	
Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова	174
Список основной литературы	200
Список дополнительной литературы (краеведение)	205
Список дополнительной литературы (краеведение)	203
Список иллюстраций и нотных рукописей	207
Список сокращений	210

ISBN 978-5-00207-667-3

Учебное пособие

Ляпунов Сергей Михайлович

Дневник путешествия в губернии Вологодскую, Вятскую, Костромскую и Ярославскую летом 1893 года с целью собирания русских народных песен с напевами

3-е издание, дополненное и исправленное

Оригинал-макет — Г. Н. Мехнецова, К. А. Мехнецова Компьютерная обработка иллюстраций, оформление обложки — С. В. Булкин

В оформлении обложки использована фотография «С. М. Ляпунов на Унже (Костромская губерния)»; автор фотоснимка — Ф. М. Истомин, 1893 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 11.11.2024. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,75. Тираж 50 экз. Заказ № 5962-24.

Отпечатано в типографии ООО «Амирит» 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88 литера У E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru